

Золотой лук. Книга вторая. Всё бывает

Автор:

[Генри Олди](#)

Золотой лук. Книга вторая. Всё бывает

Генри Лайон Олди

Золотой лук #2

Не всякому дано побывать в Эфире. Здесь начнутся странствия юного Гиппоноя, прозванного Беллерофонтом, Метателем-Убийцей. Куда ведут его дороги? В крепкостенный Аргос и заморскую Ликию, на Красный остров, обитель Горгон и великанов; в небеса, где властвует огнедышащая Химера. Дороги ведут в будущее, скрытое за грозowymi тучами, и в прошлое, которое неохотно раскрывает свои тайны.

Все ли в этом мире решают молнии?

Беллерофонт, герой и скиталец. Крылатый конь Пегас, обгоняющий ветер. Великан Хрисаор Золотой Лук. Жизнь этих троих связана крепче, чем они думают. Даже крепче, чем это кажется могучим богам Олимпа.

Генри Лайон Олди

Золотой лук. Книга вторая. Всё бывает

И повторил ребенок-полубог:

– Что было – есть. Для сказки нет конца. Куда ж еще мог полететь Пегас? Быть может, он прилетит ко мне? Я жду его.

Ответила ребенку-полубогу Эвримеда:

- Он вылетел и скоро долетит.

Задумался Беллерофонт. Сказал:

- Я укрощу крылатого Пегаса и полечу на нем. Главк, мой отец, умеет укрощать земных коней. Я укрощу небесного коня. Скажи, а то, что будет, тоже есть?

С улыбкою ответила Эвримеда:

- Есть - для героя.

- А что же тогда бывает и не будет?

И услышал Беллерофонт ответ:

- Если герой приходит, все бывает.

Я. Голосовкер, «Сказания о титанах»

Часть шестая

Высокие стены Аргоса

Взрослея, мы ничего не приобретаем.

Теряем, только теряем. День за днем, год за годом. Отсекаем от себя часть за частью, слой за слоем. Беззаботность. Простота удовольствий и неприятностей. Чистота помыслов. Наивность. Способность радоваться просто так. Умение забывать обиды. Бесконечность будущего. Доверчивость. Потеря за потерей.

Мы говорим: растем. Вырастаем.

Это ложь. Не растем, уменьшаемся.

Разбрасываем потери вокруг себя. Сеем зерно в живые, дышащие борозды. Всходы нас не обрадуют. Эти всходы – воины в броне, безжалостные убийцы. Из беззаботности восстанет озабоченность. Из чистоты помыслов – дракон замыслов. Из наивности – коварство. Из умения забывать обиды – злопамятность. Из нас самих – кто-то другой.

Оглядываясь, вспоминая, я не узнаю себя.

Чужая жизнь. Легенда.

Эпизодий шестнадцатый

Беллерофонт

1

Моя дурная слава

– Радость! Великая радость!

На лице стражника застыл ужас.

Стражник был тот самый, что уходил доложить обо мне. Человек? Нет, жердь, хмурая и сухая, которая волей богов обрела ноги. Бронза нагрудника исцарапана вдрызг. Следы от меча? Непохоже. Следы от когтей? Львиных?!

Должно быть, ужас на лице стражника мне почудился. Если человек схватился со львом врукопашную и выжил, его уже ничем не ужаснуть. Уж я-то знаю, каково это! А ведь у бедняги не было Хрисаора с радугой. Такого поди еще

испугай.

– Госпожа соизволит выйти к тебе.

Голос стражника дрогнул. Снова почудилось? Вглядываться в чужое лицо снизу вверх, сидя в пыли у ворот – занятие неблагодарное. Только и видно, что клочковатую бороду да хрящеватый кадык под ней. Кадык ходил ходуном, грозя прорвать туго натянутую кожу. В бороде – песок или ранняя седина, не разберешь. Стражник подошел вплотную, навис, накрыл меня своей тенью. Желая выглядеть скромным просителем, каким, собственно, и был, я опустил взгляд на его сандалии. Подошвы стертые по краям, ремешок на левой вот-вот лопнет. Похоже, на службе у аргосского ванакта не разбогатеешь, хоть каждый день господина от львов грудью защищай. У эфирской стражи и доспехи, и обувь получше будут.

Он сказал: госпожа?

Нет, правда – госпожа?!

При чем тут какая-то женщина? Я пришел к Мегапенту, сыну Пройта, ванакту Аргоса. «Он мне должен, он тебя очистит,» – сказал мой отец. Возможно, ванакт думает иначе. С моим-то везением... В глаза плеснуло расплавленным золотом. Я на миг зажмурился. Это стражник резко шагнул в сторону. Он больше не заслонял меня от солнца. Осень, а полыхает как летом.

– Ты, что ли, изгнанник?

Глубокий, чувственный голос. Легкая хрипотца. Что еще? Насмешка. Это я сразу почувствовал. Насмешка и интерес. Я сощурился до рези под веками. Увы, разглядеть удалось немного: угольную статую в пламенном ореоле Гелиоса, яростного не по сезону.

...Оглушительное хлопанье паруса. Нет, исполинских крыльев. Гаснут звезды. Львиный рев. Рев пламени. Огонь с черных небес. Люди бегут, горят, падают, превращаются в уголь...

Я потрянул головой, гоня наваждение. Видимо, я сделал это слишком резко, даже голова закружилась. Стражники – жердьяй и второй, здоровенный детина – подобрались, впились в меня цепкими взглядами.

«Только дернись, убийца!»

Перед въездом в город всю свою поклажу я сложил в тючок, который приторочил к спине Агрия. Наружу торчали оба дротика. Внутри, в числе прочего, дремала праща с мешочком камней и поясной нож. Агрия я оставил привязанным к резному столбику, вкопанному шагах в сорока от ворот акрополя. Если ты проситель, желающий очищения, к правителю города следует являться безоружным. Но моя дурная слава добралась до Аргоса раньше меня.

– Так ты изгнанник или просто бродяга?

– Изгнанник.

– Тогда радуйся, Гиппоной, сын Главка.

Солнце продолжало издеваться над моими бедными глазами. К счастью, моя собеседница соизволила сойти с места, избавив меня от мучения вглядываться против света. Черное и белое поменялись местами: вместо угольной статуи – женщина в белом пеплосе, затянутом не под грудью, а на поясе, по-мужски. В молочной белизне ткани блестели солнечные искорки. Казалось, золотой дождь из белых облаков льется, льется и никак не может пролиться до конца с небес на землю.

Символ. Для жителей Аргоса – более чем понятный. По рассказам наставника Агафокла, с тех пор как Зевс, пролившись золотым дождем в убежище юной Данаи, осчастливил ее сыном, могучим Персеем, все аргивянки мечтали о подобном поистине царском пеплосе. Иные мечтали еще и о Зевсе, но если купить себе бога не в силах никто из смертных, то купить дорогую одежду...

Это было немногим дешевле бога. Мало кто мог себе это позволить. Передо мной стояла та, что могла.

Накидка, прихваченная золотыми заколками, покрывала голову женщины. Белое, белое – и снова белое! Между накидкой и пеплосом, вместо лица – мертвый лик статуи из пентеликонского мрамора.

Я моргнул. Раз, другой. Нет, это не шутки солнечного света. Никогда раньше не видел, чтобы женщины так обильно закрашивали лица белилами. «Свинцовыми белилами, – подсказал издали наставник Агафокл. – Раньше их привозили из-за моря, но в последние годы аргосские мастера притираний раскрыли секрет...» Сколько ей лет? Из-за белил не понять. Вряд ли двадцать. Тридцать? Сорок? Высокая, стройная. Осанка гордая, хоть ваятеля зови! Стражник сказал: госпожа...

– Радуйся, госпожа. Прости, не знаю...

– Я Сфенебея, дочь Антии.

– Радуйся, Сфенебея, дочь...

Я поперхнулся, но каким-то чудом закончил:

– Дочь Антии.

Назваться не по отцу, а по матери?! Где такое слыхано?! Кто ты, женщина, встретившая меня в воротах акрополя?!

Еле заметная усмешка искривила ярко накрашенный рот. Похоже, Сфенебея читала мои мысли.

– Сфенебея, жена ванакта. А ты, как я уже сказала, Гиппоной.

– Нет, госпожа.

– Нет?

Легкая рябь прошла по белилам: брови Сфенебеи поползли вверх.

– Я отказался от этого имени, госпожа. Зови меня Беллерофонтом.

– Метатель-Убийца?

– Да, госпожа.

– Полагаешь, новое имя лучше прежнего?

– Правильнее. Уверен, ты знаешь: я убил своего брата. Я осквернен. Я недостойн имени, которое получил при рождении. Мне следует удовольствоваться прозвищем.

– Беллерофонт, – она произнесла это медленно, катая звуки на языке. Она пробовала имя на вкус, как вино из неизвестных краев. Другая женщина давно бы предложила мне встать, но только не эта. – Ты прав. Пожалуй, так действительно лучше.

Слабый жест, и я оказался в центре живого водоворота. Словно Каллироя, дочь Океана, явилась в Аргос и решила утопить меня за какую-то провинность. Воды поблизости не нашлось – вот и воспользовалась тем, что под рукой.

Морская синь. Зелень водорослей. Снежная кипень прибоя. Золотые блики солнца на воде. Окружили, закружили. Обдали облаком ароматов. Морских? Нет, иных. Мята, лаванда, мирро, дикая роза. Но главное, запах женских тел – молодых, горячих.

Рабыни? Служанки?

Кем бы они ни были, шесть или семь девушек, ничуть не смущаясь, вились вокруг меня. Бросали откровенные взгляды, одаривали лукавыми улыбками. Подступали ближе, ближе. Поначалу легкие, словно бы случайные касания делались уверенней, настойчивей.

Чего они хотят? Чего хочет Сфенебея?!

Щеку обдало жарким дыханием. Бесстыдный язычок скользнул по шее. Проворный пальчик забрался под хитон. Мягкое бедро прижалось к плечу.

Хоровод вертелся, кружил голову, тащил на дно.

2

Циклоп и Владыка Собраний

- Я осквернен убийством! Не прикасайтесь ко мне!

Чей это голос: хриплый, срывающийся? Неужели мой?

Девушки замерли, не спеша, однако, отстраниться. Обернулись к Сфенебее: что скажет госпожа?

- Похвальная забота. Но скверна не передается таким путем.

А это чей голос? Юношеский, звонкий. Нет, это уж точно не мой. В словах звенело неприкрытое возбуждение, природа которого была мне непонятна. Служанки подались в стороны, и я увидел насмешника.

Вряд ли он был старше меня больше чем на год. Мягкая бородка, завитая мелкими колечками, казалась приклеенной к гладкому лицу юноши с тонкими чертами. Темно-синий гиматий с узорчатой пурпурной каймой был уложен изящными складками, открывая правое плечо и часть груди. Под гиматием виднелся бордовый хитон, сколотый на плече золотой фибулой. На поясе тоже сверкали вставки из золота. К поясу юноша прицепил кинжал в ножнах с серебряными накладками и тремя крупными сердоликами – скорее украшение, чем оружие.

Судя по всему, он любил и умел производить впечатление. Поймал момент, когда меня окружили девушки – и вышел из ворот незамеченным. Вот, стоит, красуется.

- И как же она передается? – спросил я.

– У нас еще будет время об этом поговорить. Радуйся, Гиппоной, сын Главка!

– Беллерофонт, – поправил я.

Я ждал вопросов, подобных тем, которые задавала женщина, но юный щеголь кивнул с таким видом, будто мое прозвище развеяло его последние сомнения насчет гостя.

– Радуйся, Беллерофонт! Я – Анаксагор, сын Сфенебеи...

Клянусь, он нарочно выдержал паузу, назвавшись по матери. Желал полюбоваться моим вытянувшимся лицом. Анаксагор, подумал я. Владыка Собраний. А можно сказать иначе: Владыка Рыночной Площади. Хорошее имя для такого красавчика[1 - Имя Анаксагор состоит из двух частей: анакс (ванакт), т. е. владыка, повелитель – и агора, т. е. рыночная площадь, где проходили собрания граждан.]. Как ни крути, а все же владыка.

– ...и Мегапента, ванакта Аргоса.

– Радуйся, Анаксагор, сын Мегапента.

Решив не спорить с местными обычаями, я добавил:

– ...и Сфенебеи.

– Ты слышала, мать? Нет, ты слышала?! – рассмеялся великолепный Анаксагор. – Этот изгнанник мне нравится! Определенно нравится! Не теряется в сложных ситуациях, знает толк в обхождении. Даже имя сменил! Хорошее имя, громкое. О многом говорит, если ты понимаешь, о чем я...

– Тогда, быть может, ты и проводишь его к отцу?

– С удовольствием!

Мать и сын беседовали друг с другом, словно я был для них пустым местом. Для кого тогда это представление? Белоликая Сфенебея махнула мне рукой:

– Мы еще увидимся, Беллерофонт. До встречи, я и так задержалась.

Царственной походкой она двинулась прочь. Девушки цветастым хвостом потянулись за госпожой к воротам. У Анаксагора тоже имелся свой хвост. Телохранилитель, советник, доверенный слуга – кем бы ни был этот человек, до сих пор он маячил живой бессловесной тенью за спиной своего господина. Но едва женщины покинули нас, как он выступил из-за плеча Анаксагора и принялся медленно, нога за ногу, обходить нас по дуге, держась шагах в пяти.

Казалось, он прогуливается по берегу моря, любуясь чайками и облаками.

Первое, что приковывало в нем внимание – это левый глаз. Мутное, незрячее бельмо в окружении старых шрамов, похожих на древесные корни, бугрящиеся под кожей. Взгляд здорового глаза вонзился в меня, как дротик с зазубренным наконечником – не вырвать, не освободиться. Пришельца оценивали: добыча? Враг? Беспольный кусок плоти? Годен ли в пищу?

Циклоп-людоед, честное слово!

Заметив мою неприязнь, Циклоп ухмыльнулся и продолжил обход. Мы с ним срослись, превратились в единое целое, в живой скафис – чашу солнечных часов, какие в Эфиру привозили говорливые торговцы из далекого Баб-Или[2 - Баб-Или (Врата Бога) – Вавилон.]. Я был прутом, вбитым в центр скафиса, он был тенью, движущейся вокруг прута. Оказаться спиной к этой подвижной, этой опасной тени мне не хотелось, но передо мной стоял сын и наследник аргосского ванакта. В итоге я лишь поглядывал через плечо, провожая одноглазого.

Приметы собирались воедино, сцеплялись в понимание.

Лоб выбрит наголо до самой макушки. Длинные волосы цвета воронова крыла на затылке собраны в хвост, перетянутый кожаным шнурком. Нагрудник дубленой кожи с бронзовыми бляшками. Простой серый хитон выше колен. На поясе – меч-ксифос в деревянных ножнах. За поясом кривой нож. Лет тридцати, тридцати пяти. Крепок, жилист, плотно сбит...

Циклоп ушел из поля зрения. Я чувствовал, как взгляд его единственного глаза буравит мне спину. Шагов Циклопа я слышать не мог, как ни старался.

«Он из народов эвбейских, – подсказала наука наставника Поликрата, но почему-то в манере странствующего аэда, – дышащих боем абантов. Если мечей многостопная грянет работа, в бое подобном они опытны боле всего, мужи, владыки Эвбеи, копейщики славные...»

Абантов[З - Абанты – ионийское племя, обитатели острова Эвбея. Искусные воины, мастера ближнего боя.] в Эфире я видел, хотя и редко. Облик их в точности соответствовал облику Циклопа, включая бритый лоб и хвост на затылке. Разве что у тех абантов оба глаза были зрячие.

– Значит, ты ищешь очищения?

З

«Жаль, у меня нет братьев»

Пока я пытался уследить за Циклопом, Анаксагор без стеснения разглядывал меня. Кажется, осмотр его удовлетворил. Или просто надоел?

– Да.

Как положено изгнаннику-просителю, я склонил голову, уставившись в равнодушную аргосскую пыль. Раз нам не предлагают встать, останемся на земле.

– Ты убил своего брата?

Я с трудом сглотнул. Надо отвечать, если я хочу, чтобы меня очистили.

– Да.

– Как ты его убил?

– Случайно.

Сын ванакта хмыкнул. Одобрение? насмешка? – не разберешь. Мне хотелось поскорее закончить тягостный разговор, но это было не в моих силах. Что происходит? Таких изгнанников, как я, сразу гонят прочь – или предлагают еду, омовение и кров, беря под защиту закона гостеприимства. Первое значит отказ, второе – очищение. Да, меня не гонят, но и в акрополь пустить не спешат. Ванакт не желает меня видеть? Зачем тогда ко мне вышла его жена? Сын? Что им от меня нужно?!

– Разумеется, приятель. Убей ты Беллера нарочно, а главное, сумей судьи это доказать... Тебя бы казнили, а не изгнали.

– Беллера?!

Я не выдержал, поднял взгляд на Анаксагора. Сын ванакта улыбался.

– Беллера, кого же еще? Твоего брата, – он говорил со мной как со слабоумным. – Ты сам назвал себя Беллерофонтом – убийцей Беллера.

– Беллерофонт означает Метатель-Убийца. А моего брата звали Алкимен.

– Вот как? Значит, мне неверно донесли. Весь город только и шумит: «Убийца Беллера! К нам едет убийца Беллера из Коринфа! Уже приехал!» Выходит, молва ошиблась? Что ж, Метатель-Убийца – это даже лучше. Убивать вообще – это правильней, чем убивать только каких-то Беллеров. В особенности если этих Беллеров зовут Алкименами. Повторяю вопрос: как именно ты его убил?

– Дротиком.

– С какого расстояния?

Это спросил не Анаксагор. Циклоп завершил круг, изучив меня со всех сторон, и встал рядом с сыном ванакта. Ну, почти рядом: за левым плечом, отступив на полшага. Слуги так себя не ведут, даже доверенные.

Кто бы он ни был, ему я отвечать не обязан.

– Отвечай! – потребовал Анаксагор.

– С двадцати шагов.

– Не впечатляет, – заметил Циклоп. – Ты его хорошо видел?

Анаксагор кивнул, веля мне продолжать.

– Я его не видел.

– Как это?

Вспоминать было больно. Еще больнее – рассказывать об убийстве Алкимена чужому человеку. Это наказание, сказал я себе. Я убил брата. Я буду расплачиваться всю жизнь. Сейчас – вот так. Потом – как-то иначе. Всю жизнь.

И никогда не расплачусь.

– Он спрятался под кучей валежника. Хотел надо мной подшутить. Захрюкал вепрем.

– Зачем?

– Чтобы я испугался и убежал.

– Разумно, – согласился Циклоп. – Кто угодно сбежит от вепря.

– Кто угодно, кроме меня. Вместо бегства я метнул дротик. Лучше бы убежал...

Анаксагор захлопал в ладоши:

– Дротик? В вепря? Великолепно!

Теперь настала его очередь обходить меня кругом, а Циклопа – стоять на месте. Одноглазый абант ткнул в меня пальцем:

- Ты и правда решил, что там вепрь?

В вопросе крылся подвох. Они что, думают, я заранее готовился убить Алкимена?! И теперь вру на каждом перекрестке, что сделал это случайно?! Да как они могут... Могут. Они вправе так думать, все дороги ведут к такому выводу. Только безумец или отчаянный храбрец – что, в сущности, одно и то же – выйдет на вепря с дротиком. Я и впрямь сделал это нарочно. Хотел, чтобы явился Хрисаор...

Не рассказывать же об этом Анаксагору?

- Я и подумать не мог, что там Алкимен. Испугался, вот и метнул.

- Испугался, – повторил Анаксагор. Он стоял за моей спиной, но я слышал звук: сын ванакта похлопывал себя ножнами кинжала по бедру. – И ты его совсем не видел?

- Видел только, как валежник шевелится.

- Значит, цель была скрыта от тебя, – подытожил Циклоп. – Куда ты попал?

- В Алкимена.

- Это я понимаю, не дурак. Куда именно?

- В грудь.

- Он умер сразу?

- Нет.

- Значит, в легкое. Если бы в сердце – умер бы сразу.

Я представил одноглазого абанта на месте Алкимена. С дротиком в груди. Окровавленные пальцы цепляются за древко, на губах пузырится багровая пена...

– Как? Как он умер?!

Анаксагор быстро вышел вперед – так быстро, словно солнечная колесница ринулась в галоп, вынуждая тень скафиса поспевать за ней. Сын ванакта встал между мной и Циклопом. Подался вперед, навис камнем, грозящим ринуться вниз с вершины. Щеки юноши горели лихорадочным румянцем, глаза блестели. Упираясь руками, я отполз назад.

– Как он умер? Говори!

Циклоп взял сына ванакта за руку, сжал пальцы. Тот мотнул головой, как лошадь, отгоняющая слепня. Фыркнул, дернул локтем, сбрасывая чужой захват. Выдохнул:

– Ладно. Потом расскажешь. Если захочешь.

Не захочу, подумал я.

– Жаль, у меня нет братьев, – задумчиво протянул Анаксагор, успокаиваясь. – Только отец.

Я не понял, что он имеет в виду. Ответил:

– Мне тоже жаль. Братья – это хорошо.

– У тебя был один брат?

– Трое.

– Все они умерли?

– Да.

– Как?

– Пирена сожгла Химера. Делиада убили конокрады.

– Химера, значит. Конокрады.

Я знал таких людей. Повторение слов собеседника давало им время подумать и что-то для себя решить. О чем ты думаешь, сын ванакта? Что решаешь?

– Ладно, не хочешь рассказывать, не надо. Я бы, наверное, тоже отмолчался. Будь у меня братья... Но у меня только отец.

Мое терпение кончилось.

– К нему я и пришел. К Мегапенту, сыну Пройта, правителю Аргоса.

– Ну разумеется!

По белозубой улыбке Анаксагора можно было счесть, что я сообщил ему самую радостную весть на свете. К примеру, что боги дарят ему бессмертие. Или что трон Аргоса теперь принадлежит ему.

– Ты мне нравишься, Беллерофонт. Идем!

Он направился к воротам, не сомневаясь, что я последую за ним. Циклоп ухмыльнулся, сделал приглашающий жест: иди, мол, парень, я за тобой.

Я указал на Агрия, привязанного к столбику:

– Мой конь...

Анаксагор нетерпеливо обернулся.

– Что? Конь? Я велю отвести его в конюшню. Тут тебе Аргос, у нас конокрады не водятся! Тебе же не терпелось предстать перед моим отцом. Или передумал?

Когда я двинулся за сыном ванакта, в спину меня подталкивал взгляд Циклопа.

Почему так долго?

– Как тебе Ларисса?

Анаксагор придержал шаг, позволил нагнать себя.

– Холм высокий, обрывистый, – я размышлял вслух. – Если что, легко держать осаду. На вершине простору много. В Эфире акрополь меньше.

– Наш второй акрополь, Аспидос, тоже меньше. Оттуда моря не видать. А с Лариссы и нижний город видно, и залив.

Два акрополя? Да, есть чем гордиться.

– И стены у вас хорошо сложены. У наших кладка грубее.

Это я отметил еще в воротах. О том, что ларисский акрополь широченный, хоть стадион устраивай, но какой-то голый, неуютный, я говорить не стал. У нас и зелень, и торговые ряды, и источник. А тут что? Сплошной камень. Даже люди, встреченные нами, не шли, а шествовали, словно ожившие статуи.

Но кладка хороша, спору нет. Высотой и неприступностью стены Эфиры вряд ли могли спорить с аргосскими. Говорят, в Тиринфе стены еще мощнее. Врут, должно быть.

– Стены? Это ты еще наших храмов не видел! Храм Зевса Ларисейского, храм Афины Дальнозоркой... Весь Пелопоннес завидует. Ничего, насмотришься, успеется.

Не дожидаясь приказа, стражники распахнули перед Анаксагором тяжелые, окованные бронзой ворота. Створки украшали начищенные до яростного блеска львиные морды. Я ждал скрипа петель: нет, петли молчали. Мы прошли через странно пустынный двор. Эхо шагов подгоняло нас щелчками кнута. Ветер трепал мои отросшие за время пути волосы: здесь, наверху, было ветрено.

– А вот и дворец, – самодовольно заявил Анаксагор. Для него я был слепым, который и горы не приметит, пока не наткнется на нее. – Наш.

Похоже, я был не только слепым, но и полоумным.

Ко входу вели широкие ступени. Семь, на две больше, чем у нас. Тоже мраморные. Наши сияли белизной, здесь же мрамор был мутный, унылый. Болотная водица с желтоватыми разводами.

– Жди, – велел сын ванакта Циклопу.

Одноглазый скорчил кислую рожу. Приказ ему не понравился, но послушаться он не посмел.

Темные коридоры. Редкие желтые глаза на стенах: масляные светильники. Молчаливые стражники вооружены до зубов. Зачем столько стражи? Среди бела дня? Хотя в этом лабиринте, наверное, всегда ночь.

– Отец в мегароне?

– Да, господин.

Тронный зал прятался в глубине дворца, как сам дворец в глубине акрополя, а тот – в кольце нижнего города. Человек, приказавший все это выстроить, всерьез опасался нападения – и не только вражеской армии.

По взмаху руки Анаксагора стража у дверей расступилась. Не дожидаясь, пока это сделает стражник, сын ванакта распахнул высокие створки.

– Радуйся, отец.

Я преклонил колени у входа, сразу за порогом. Украдкой я разглядывал зал из-под упавших на лоб волос. Окон в мегароне не было. Свет дарили девять факелов и десятков масляных лампад. Воздух был тяжелый, чадный. В носу у меня защекотало, в горле запершило. Едва сдержался, чтоб не закашляться, не чихнуть.

Стены тонули в багровом сумраке. Кажется, они были расписаны фресками. Или это мозаика? На возвышении стоял резной трон... Два трона! Правый – выше и массивнее. На нем восседал мужчина лет сорока, с густой, аккуратно подстриженной бородой. В свете факелов и лампад щедро умощенная борода ванакта тускло блестела, словно выкованная из меди. Фигуру правителя Аргоса скрадывало темное одеяние. Складки превращали человека в скопище теней, перетекающих друг в друга. Разглядеть, какого ванакт сложения, не было возможности. Лишь блестели, притягивая взор, золотые перстни на пальцах.

По лицу Мегапента тоже бродили тени, путая и смазывая черты.

На втором троне восседала изящная белая статуя. Сфенебея, супруга ванакта. Она что, принимает просителей вместе с мужем?! Позади трона ванактиссы я разглядел сумрачных гигантов в боевых доспехах, в шлемах с глухими забралами, с копьями в руках. Вероятно, они сопровождали госпожу и тогда, когда она вышла ко мне из ворот. Только мне было не до них: девицы набежали, закружили, завертели...

– Радуйся, сын.

Голос ванакта прозвучал как эхо в пустом пифосе. Между приветствием Анаксагора и ответом его отца минула дюжина ударов сердца, не меньше.

– Отец, я привел просителя. Это Гиппоной, сын Главка, базилея Коринфа. Сам он именуется Беллерофонтом. Это потому что он...

– Я знаю его историю. Все знают. Продолжай.

– Я говорил с ним, отец. Я готов поручиться за него.

Мегапент молчал. Долго молчал: заснул, что ли? Нет, проснулся, щелкнул пальцами. Звук был такой, словно камень из пращи с маху ударил в кожаный нагрудник. Рядом возник слуга, с поклоном поднес господину золотой, изукрашенный рубинами кубок. Ванакт сделал глоток, вновь замер, уставившись в пространство. Моргнул, перевел взгляд на кубок в своей руке, как будто впервые его увидел.

Отхлебнул еще.

– Подойди.

Я приблизился и вновь опустился на колени за пять шагов до трона.

– Радуйся, господин. Я...

Меня остановили повелительным жестом.

– Радуйся и ты, Беллерофонт. Чего ты хочешь?

– Очищения, господин.

– Сын Главка? Я знаю твоего отца.

«Он мне должен, он тебя очистит.» Можно было не сомневаться, что сейчас Мегапент размышляет о том самом долге, в чем бы он ни заключался. Вслух он, конечно, ничего не скажет...

Владыка Аргоса допил кубок залпом, как пахарь, утомленный работой. Слуга бережно принял из рук господина драгоценную посудину и сгинул, расточился. В бороде ванакта мерцали багряные капли, наводя на мысли о рубинах, выпавших из отделки кубка.

О каплях крови думать не хотелось.

– От Коринфа до Аргоса менее трехсот стадий. Почему ты так долго добирался? Искал очищения в другом месте?

Мегапент наклонился вперед:

– Тебе отказали?

Струйка холодного пота скользнула вдоль моей спины. Я и не подозревал, что ванакту Аргоса известно, когда я выехал из Эфиры. Был уверен: ему до меня

дела нет. Ну, очистит, желая рассчитаться со старым долгом. Все лучше, чем отдавать коровами и зерном. Или не очистит, прогонит без объяснения причин. Какая ему разница, сколько я был в пути?

Оказывается, разница есть.

«Мегапент, сын Пройта из рода Абантидов, – напомнил нерадивому ученику наставник Агафокл, – правит Аргосом последние пятнадцать лет...» Я принудил наставника умолкнуть. Ванакт ждал моего ответа. Вряд ли Мегапента удовлетворило бы изложение его родословной и сроков правления. Владыка прикрыл глаза, словно опять задремал, но я чувствовал это ожидание: мрачное, неподъемное, нетерпеливое. Оно давило мне на плечи, гнуло к полу.

Этот камень следовало поднять на вершину.

– Заблудился, господин.

– На дороге в Аргос? Это трудная задача.

– Ошибся, свернул на Тиринф. Дождь дороги размыл...

Врал ли я? Не слишком. Все, считай, так и было.

4

Все дороги ведут в Аргос

...поворот на Аргос я проехал.

Пропустил? проморгал?! Нет, проехал, прекрасно зная, что делаю. Еще и дорогу спросил перед тем. Ответа удалось добиться с немалым трудом. Жители Просимны, последнего захолустного городишки на пути к Аргосу, впервые видели всадника. Как, впрочем, и все, кого я встретил по пути.

За кентавра меня принимают, что ли?! Застыли столбами, глазают, раскрыв рты. Обратись к ним – теряют дар речи. На лице, как на глиняной табличке, написано: «Оно что, еще и разговаривает?!»

Оно – это я. Мы с Агрием. Двухголовое чудовище.

Кое-кто убегал. Я сперва кричал вслед, звал, просил, а потом открыл иной способ. Ударишь Агрия пятками, раз, и догнал беглеца. Рывкнешь: «А ну отвечай, мерзавец!» – и немой превращается в заику, а там и в болтуна. Да, господин, этот тракт с гермами по обочинам. Да, господин, именно этот. Если свернуть направо, к Аргосу и выберетесь. А вот эта, господин, с позволения сказать, дорога... Да, кривая-горбатая, двум повозкам не разъехаться. Она напрямиком на Тиринф. Иначе придется кругалю давать. Три десятка стадий, господин, не меньше. Спасибо, что живым отпустили, премного благодарен.

Короче, я свернул к Тиринфу.

Тиринф – это Персей. Тот, кто принес меня в Эфиру. Зачем мне ехать к ванакту Аргоса? Пусть лучше меня очистит сам Персей, сын Зевса! Расскажу ему, кто я и откуда – он наверняка вспомнит, обрадуется. Вдруг Алкимен-покойник был прав? Вдруг Персей Горгоноубийца – мой отец? Твой подарок, брат – я не дам ему пропасть зря. А даже если Персей мне не родной, он уж точно знает, кто мои настоящие родители.

Очистит – и расскажет.

Дождь застал меня врасплох. Просимна скрылась позади, ничего похожего на Тиринф и близко видно не было. Лес тревожно шелестел, откликаясь на порывы ветра. Темная зелень подернулась осенней ржавчиной. Упали первые капли, тяжелые как ядра для пращи. Дождь разом усилился, накатил волнами. Промокнув до нитки, я направил Агрия на обочину, под защиту кроны дуба-великана. Спешился, стянул с себя мокрый, липнувший к телу хитон. Выкрутил, развесил на обломанном суку и голышом привалился спиной к шершавому стволу.

Жарко. Зябко.

Густая завеса листвы спасала плохо. Вокруг дуба дождь вообще стоял стеной: окружил, взял в осаду. Гул надвинулся, в уши словно вставили затычки из мягкого воска. Дорога исчезла за потоками воды. Огрызок в десять шагов длиной, который еще был виден, стремительно превращался в месиво, скользкое и глинистое.

– Кажется, кто-то не хочет, чтобы я ехал в Тиринф, – пробормотал я вслух.

Агрый наострил уши, скосил на меня темный глаз:

«Думаешь?»

– Уверен.

В подтверждение сказанного небо полыхнуло белым светом, неживым и недобрым. Вспышка молнии затянулась дольше обычного; в ее свете я с ужасающей ясностью представил – увидел воочию! – свой грядущий въезд в Тиринф.

Вот молодой стражник со всех ног спешит к Персею – доложить о моем прибытии. Вот во дворце начинается переполох. «Он твой сын! – кричит на Персея его жена Андромеда, дрожа от страха и негодования. – Он погубил своих братьев в Эфире, всех до единого! Теперь он приехал к нам! Здесь у него тоже есть братья, наши дети, Персей. Он проклят! Он не успокоится, пока не отправит всех во тьму Эреба! Что ты молчишь? Сделай же что-нибудь!»

Вот слуги волокут упирающихся Персеидов в самый глубокий, самый дальний подвал – спрятать, уберечь, защитить от Метателя-Убийцы. Персей скалится по-волчьи, достает из ножен кривой меч – тот, которым отсек голову Медузы Горгоны. Ногтем проверяет заточку. Меч острый, очень острый. Он рассчитает что угодно – даже камень, если понадобится. Персей кивает с угрюмым удовлетворением...

Молния погасла. Видение исчезло.

Умереть я не боялся. О смерти не мечтал, но и за жизнь не цеплялся. Какая тут жизнь, если я видел кровавые пузыри на губах умирающего Алкимена! Но

клеймо братоубийцы, с каким я въеду в Тиринф... Холодный озноб сотряс меня от макушки до пят.

В вышине громыхнуло так, словно небо расколосось надвое. Зевс гневался, в этом не было сомнений. Не желал, чтобы моя скверна ехала в Тиринф, к его любимому сыну!

Едва не забыв на суку мокрый хитон, я, как был, голышом вскочил на спину Агрива. Погнал коня, чувствуя, что гоню самого себя, обратно, прочь от Тиринфа. Копыта оскальзывались в грязи, ноги разъезжались, конь едва не падал через шаг – и в итоге я свернул в лес. Здесь, по крайней мере, было не так скользко. Пробираясь сквозь мокрый подлесок, с трудом выворачивая копыта из жирной земли, прелых листьев и сырой древесной трухи, я думал о том, что не зря поддался порыву. Зевс грозил мне с мглистых небес, полыхающих белесым заревом, или гроза не имела отношения к изгнаннику Беллерофонту – в любом случае нельзя соваться в Тиринф полным скверны. Кто сказал, что меня там ждут с распростертыми объятиями? За все эти годы Персей ни разу не явился в Эфиру. Вдруг он не желает меня видеть?

Сначала Аргос и очищение. Все остальное – потом.

В подступающих сумерках, за пеленой дождя, дорога исчезла, как не бывало. Я не знал, в какой она стороне. Не знал, куда еду. Пора было искать место для ночлега.

5

Закон гостеприимства

Все было так хорошо, что даже слишком.

Покои мне выделили – мама моя ро?дная! Эх, знать бы еще, кто она... У отца в Эфире и то жильё поскромнее будет. А тут одно только ложе – с Месогийское море шириной. Хоть вдоль спи, хоть поперек, хоть шестерых девиц разом принимай! Подушки, покрывала...

Еще два ложа: узкие, трапезные. Резные, из кипариса, с львиными лапами. Подушками тоже выложены, с горкой. Низкий стол, второй столик поменьше. Черпак из серебра, медный таз для омовения. Полотенца мягкие, узорчатые. Светильники не на стенах, а на бронзовых треножниках, чтоб переставлять можно было. Два короба для одежды в углу. Еще всякое по мелочи, а места все равно полным-полно осталось.

Роспись на стенах. Ох, и роспись! Мне аж жарко стало. Нимфы, сатиры. Нимфы с сатирами. Сатиры с нимфами. Кентавры с ними всеми. По-всякому. Ну, вы поняли. Ух ты! Даже и не думал, что так тоже можно. А это кто? Должно быть, лапифы. И лапифки. И лапифочки...

Нет, лучше по порядку. Покои – это уже потом. Нимфы, сатиры, полотенца – все потом. Сначала владыка Аргоса провозгласил:

– Гиппоной, сын Главка, по прозвищу Беллерофонт! Ты гость в моем доме. С этого момента ни один житель Аргоса не поднимет на тебя руку.

И велел не пойми кому:

– Омойте гостю ноги!

Зря я надеялся, что ноги мне станут мыть телохранители Сфенебеи или виночерпий ванакта. Они и с места не сдвинулись. Вместо этого меня отвели в дворцовую купальню. Рабы натаскали горячей воды, мне позволили наскоро смыть с себя грязь и пот, а там за меня взялись банщик с помощником. Растерли, омыли, умастили, снова растерли, сплясали на спине...

Да меня в жизни так не мыли! Если такова забота об изгнанниках, полных скверны, как же здесь принимают обычных гостей? А гостей почетных?!

– Дайте ему кров над головой. Дайте ему чистую одежду...

Когда мне вручили новый хитон, я глазам своим не поверил. Синий как море, с белыми барашками по подолу! Мой любимый, родом из детства, разве что ткань лучшей выделки. Как угадали? У них тут что, прорицатель на службе?!

Новые фибулы я спрятал в котомку, про запас. Заколол хитон старыми: бронзовой, в виде спирали – и серебряной, с Пегасом. Сгоряча, после пережитого возбуждения, мне показалось, что Пегас изменил позу. Шире распростер крылья, запрокинул голову, гневно ржет. Раньше он просто смотрел вперед. Нет, быть не может. Кованый металл – не живая плоть. Это я что-то перепутал.

– Агрый! – вспомнил я. – Мой конь!

Об Агрии тоже не забыли. Меня заверили, что о коне позаботились, но я все равно убежал проверить. Отыскать конюшню оказалось легко, даже раб-проводжатый не потребовался – бедняга отстал на полпути и нагнал меня позже. Из конюшни за добрую стадию гремело сердитое ржание Агрия. Ему вторили грохот, треск и азартные вопли людей.

Я влетел внутрь, готов спасти своего любимца – и выяснил, что спасение требуется вовсе не Агрию, а низкорослому караковому[4 - Караковый – самый темный отмасток гнедой масти.] жеребцу в соседнем деннике. Гневный Агрый уже разломал копытами хлипкую перегородку, вознамерясь задать хорошую трепку наглецу, что осмелился фыркать на гостя. Балбесы-конюхи – где их только набрали?! – к Агрию подойти боялись и лишь делали ставки на исход драки.

Завидя меня, Агрый мигом успокоился. Я ласково потрепал его по шее, погрозил пальцем: оставь соседа в покое, понял? Ты главный, никто не сомневается.

Когда я уходил, конюхи провожали меня восхищенными взглядами. Агрый мирно хрупал отборным овсом, которым доверху наполнили его кормушку. Каракового же поспешили перевести в крайнее пустующее стойло – от греха подальше.

– ...дайте гостю хлеба и вина, ибо он голоден и жаждет...

Хлеб и вино? Когда я вернулся, в покоях меня ждало царское угощение. Им, наверное, можно было накормить до отвала всю дворцовую стражу. Приказы ванакта здесь выполнялись, что называется, с большим запасом. Нет, хлеб и вино на столе присутствовали, врать не стану. Но кроме них стол ломился от яств. Сладкие финики, смоквы и орехи в меду, жареная свинина с хрусткой корочкой, сыр мягкий и твердый, овечий и козий; миски с мочеными ягодами и солеными оливками; рыба, запеченная с дикими овощами и кореньями...

В дверях возник Анаксагор. Вошел, считай, вбежал, окинул быстрым взглядом благоухающее изобилие. Пригладил растрепавшиеся волосы, присел на краешек трапезного ложа. Нетерпеливым жестом указал мне место напротив. Он явно куда-то спешил.

– Преломляю с тобой хлеб, Беллерофонт. Разделяю с тобой вино.

Он разломил пшеничную лепешку, протянул половину мне. Плеснул в чаши вина, разбавлять не стал. Это я сделал сам. Вино оказалось сладким, густым, щедро сдобренным пряностями.

– Все, я пошел, – он вскочил. – Отдыхай.

Чувствовалось, что он исполняет приказ отца: показать гостю, что Аргос действительно принял его под защиту закона гостеприимства, столь любезного Зевсу. Сам правитель до меня не снизошел. Не снизошел бы и наследник, да только выбора ему не оставили.

– Благодарю тебя и твоего благородного отца...

Анаксагор хлопнул меня по плечу:

– Я же обещал, что поручусь за тебя! Тот, кто по нраву мне, остается в выигрыше.

И выскочил вон.

Скромничать я не стал. В животе урчало от голода, я уже и не помнил, когда ел в досталь. Горячий жир тек по подбородку и пальцам. Не знаю, как мне удалось не замарать новый хитон. Теперь глоток вина. И еще вот этот кусочек, и тот, дальний... Я добрался до Аргоса! Живой и невредимый. Я – гость. Странности ванакта? Ерунда! У правителя полно важных дел. Странности наследника? Чепуха! «Тот, кто по нраву мне, остается в выигрыше...» Выигрыш значит очищение. Еще вина, надо разбавить, где тут вода? Два светильника у входа догорели, погасли. Ладно, не в воде счастье, выпьем неразбавленного...

Дверь тихо отворилась. За ней была темнота.

Стасим

Победа над равным

Голову бога венчает шлем.

Настоящий бронзовый шлем с жестким гребнем из конских волос. Для того, чтобы открыть лицо, шлем сдвинули на затылок. Теперь каждый может видеть, что взгляд бога суров, лик тверд, а губы даже не думают улыбаться.

На поясе бога висит кривой меч без ножен. Жезл в правой руке похож на копье. Длиннее обычного, с острым наконечником. Змеи, обвивающие жезл, странным образом не разрушают, а напротив, усиливают это сходство.

Резчик был талантлив. Он взял ствол старой яблони и сделал воина.

Глядя на статую, Афина с трудом сдерживает раздражение. Это ее шлем. Ее копье. Ее ипостась. Мелкие различия не имеют значения. Такие вещи чуешь нутром, если ты принадлежишь к Олимпийской Семье. Природу не обманешь, ее можно только раздражить.

Если Гермий хотел выбрать наихудшее место для встречи, ему это удалось.

Та?награ, захудалый городишко в Беотии, не был славен ничем. Главный предмет торговли – дрянное вино и глиняные статуэтки; главное качество жителей – скупость и непоколебимая трусость. Расстояние от жалкой Танагры до могучих Афин равнялось одному дневному переходу воинов – и афиняне всю пользовались таким очевидным подарком судьбы. Раз за разом они врывались в Танагру, грабя и разрушая. Врывались? Это громко сказано, поскольку танагрчане сопротивления не оказывали, сдаваясь при первом появлении врага. Да что там! Случалось, они высылали гонцов к врагам, еще не вышедшим из-за холмов, чтобы предупредить о сдаче заранее.

Перед уходом отягощенные добычей афиняне, как правило, сносили городские стены. К следующему нашествию стены неизменно восстанавливались жителями города. И то, и другое действие вряд ли имело что-то общее со здравым смыслом.

Кто из Олимпийской Семьи покровительствовал Афинам, ясно из названия города. Покровителем Танагры был Гермий. Его изображения глядели отовсюду, ему возносилась хвала, в его честь пелись гимны. Гермию приносили в жертву свиней, коз и ягнят, мед и лепешки. Три священных источника текли в холмах во славу Гермия. Но главное, легконогому сыну Зевса в Танагре поставили храм, о котором судачили на всех перекрестках от Фракии до Крита.

Храм Гермия-Воителя.

С какой целью танагряне, чуравшиеся битв, всей душой возлюбили столь редкую ипостась бога-покровителя, осталось загадкой. И тем не менее вот он, храм: колонны, портик, статуя в шлеме, клубничное дерево у входа.

«Проклятье!» – беззвучно выдыхает Афина.

Она летела сюда посмеяться. Нет, правда же, смешно – малыш-воитель! Животики надорвешь! Она летела сюда на переговоры: Гермий не назначал свиданий просто так. Но она и предположить не могла, насколько этот храм заденет ее за живое.

Храм – не просто дерево и камень, алтарь и ступени. Храм – это молитвы и песнопения, просьбы и жертвы, вера и преклонение. Храм – часть бога. Ипостась, которой поклоняются в храме, под этой крышей делается главной, превращается в суть и облик.

Гермий-Воитель?! Гермий-Вор!

Этот эпитет – Воительница – был неотъемлемой частью природы Афины. Это ее так звала стоустая молва, ее шлем и копье блистали в святилищах. И что же? Вот она стоит в храме, где трусливые собаки-танагряне украли крошки со стола грозной дочери Зевса – и в дрожащих от страха ладонях преподнесли какому-то Гермию?!

Как они посмели? Как он посмел?!

– Злишься? – спрашивает Гермий.

Он всегда был наблюдателен.

– Хочешь кинуться на меня? Вступить в бой?

Афина отворачивается. Молчание дается ей трудней, чем она предполагала. Стоя к отвратительной статуе спиной, богиня переводит дыхание.

– Как ты взошла на Олимп? – спрашивает Гермий.

– Я родилась на Олимпе, – хрипло отвечает Афина.

Она ждала любого вопроса, кроме этого. Мерзкий храм! Здесь мудрость превращалась в глупость, а военная стратегия – в боевое безумие.

– Как?

– Издеваешься? Даже дети знают историю моего рождения.

– Прекрасна была Метида-Мысль, дочь седого Океана, – нараспев затягивает Гермий, танцуя вокруг алтаря. – Прекрасна была Метида, богиня разума, первая жена великого Зевса. Прекрасна и мудра, что редко случается с прекрасными. Кто воспитал Зевса, укрытого на Крите от Крона-Временщика, отца, пожиравшего детей? Метида! Кто помог Зевсу вывести его братьев и сестер из отцовской утробы? Метида! Кто сказал Зевсу, что носит дитя от него? Метида! Кто сказал Зевсу, что это дитя превзойдет родителя? Метида!

Танец прекращается.

– Странное дело, – продолжает Гермий другим тоном. – Я заметил, что самые большие глупости изрекают именно мудрецы. Сказать Зевсу, что его ребенок превзойдет отца? И рассчитывать после этого на спокойные благополучные роды? На любовь венценосного мужа? В такой мудрости есть что-то, непостижимое для меня. Стоит ли удивляться, что Зевс проглотил свою

болтливую жену? Если ты – сама мысль, сиди внутри и не вякай! В конце концов, если дедушка Крон пожирал уже родившихся детей, то пожрать беременную жену – для нашего папы, сестричка, это истинная предусмотрительность. И наследственная, замечу, черта. Иногда я думаю, Афина, что ты не имеешь детей, потому что боишься. Не только отцы способны пожирать жен и потомство. Матери не уступят отцам в этом благородном занятии...

Он встает так, чтобы алтарь отделял его от Афины. Ждет, не бросится ли Дева на него, пренебрегая тем, что находится на чужой территории. Улыбается, приветствуя сдержанность гостыи.

– Так как же все-таки ты родилась? Действительно ли пришлось звать Гефеста, чтобы он расколол отцу голову молотом? Впрямь ли ты вышла из папиного черепа с копьем наперевес?! Мне до смерти жаль, что я не видел этого милого зрелища...

– Заткнись!

Спокойно, предупреждает Афины мудрость. Спокойно, девочка моя, я ничуть не оскорблена. Не оскорбляйся и ты, хорошо? У мудрости голос матери; голос, которого Афина никогда не слышала наяву. Он нарочно злит тебя, добавляет военная стратегия. У него есть цель; тебе надо выяснить, какая. Гермий не хуже тебя знает, что «пожрать» в понимании нас, в чьих жилах кипит божественный ихор – не откусить, разжевать и проглотить. Это значит включить природу жертвы в природу хищника, сделать чужие качества своими. Пусть не до конца, не в полной мере, но у волков, коз и людей тоже не все съеденное остается в их телах. Случается, непереваренное выходит естественным путем, удобряя землю для нового урожая; случается, едока рвет, если он не в состоянии переварить пищу.

От рвоты и поноса легко умереть. Так умер бы Зевс, не справившись с пожранной мудростью первой жены, когда бы он не догадался освободить излишек, выпустить его наружу.

Излишек по имени Афина.

Это стало бы поводом для насмешек, не будь Афина той, кем она была. Даже Аполлон, чей дурной нрав и злой язык служили Сребролукому верней его

беспощадных стрел, даже Гера, чья ненависть к первой жене Зевса горела ярче, чем ненависть Геры ко всем любовницам мужа, вместе взятым – никто не рисковал прохаживаться насчет рождения Афины, понимая, что ответ не заставит себя ждать.

И вот – Гермий. Понимает ли он, что делает?!

Понимает, отвечает мудрость. Понимает, соглашается военная стратегия. За этим он и пригласил тебя в храм Гермия-Воителя, туда, где он воин больше обычного. Теперь дело за малым – понять, какова цель Лукавого.

– Позволь еще один вопрос, сестричка, – Гермий садится на алтарь, скрещивает ноги в крылатых сандалиях. Он готов в любой миг вспорхнуть и ринуться в битву; а может, дать деру. – Что требуется, чтобы стать богом? Олимпийцем? Таким, как мы с тобой?

– Победа над равным.

Если существует богиня недоумения, сейчас это Афина. Зачем он спрашивает, вопит вся природа дочери Зевса. Зачем? Он знает ответ не хуже меня.

– О да! – Гермий взлетает над алтарем, повисает в воздухе. – Победа над равным! Зевс победил Крона, своего отца. В итоге трон владыки достался Зевсу. Когда он делил мир с братьями, ни Аид, ни Посейдон не были довольны, но промолчали: свирепого Крона победили не они. Я одержал победу над Аполлоном, украв его коров и обманув разгневанного брата. Гефест создал трон, пленивший Геру, и цепи, пленившие Зевса. Так хромота стала огнем и ремеслами. Ты помнишь Сизифа, хитреца из Эфиры?

– При чем тут Сизиф?

– Будь он нашей природы, пленив Таната, он мог бы претендовать на факел, меч и крылья бога смерти. Сизиф Железносердый, а? Полагаю, дядюшка Аид с великой радостью принял бы такого бога у себя в преисподней. Но Сизиф смертен, мы же вернемся к бессмертным. Аполлон застрелил из лука великана Тития, Артемида прикончила дракона Пифона...

– Равные? – в вопросе Афины звучит сомнение.

– И великана, и дракона на мать близнецов науськала Гера. Значит, Аполлон с Артемидой победили не чудовищ, а Геру, которая молча проглотила гибель слуг. Ты, кстати, тоже победила Геру...

– Я?! Если следовать твоей логике, я скорее победила Зевса.

– Победи ты Зевса, разорви его при рождении – и ты давно уже воссела бы на его трон. Свергла отца, взяла к ногтю дядюшек и тетушек, братьев и сестер. Природу не обманешь, такая победа требует завершения. Нет, сероглазая, ты победила Геру и Деметру. Кто у нас по семейной части и женскому естеству? Гера и Деметра! Ты же родилась без матери, вопреки существующему порядку вещей. Что это, если не победа?

Воздух наполняется сложной смесью запахов. Липовый мед. Лепешки с подгоревшими краями. Свиной жир на огне. Кислое вино. Свежая, только что пролитая кровь. Кажется, что жрецы-невидимки достают из корзин подношения богу-покровителю, режут жертвенных животных, бросают в огонь кровоточащую плоть.

По лику статуи бродят тени. Это лицо победителя.

Держись, велит себе Афина. Он хочет, чтобы ты сорвалась. А может, он хочет, чтобы ты что-то поняла. Ты ведь поняла? Ты хотя бы начинаешь понимать? Копье в твоих руках, Дева, бьет прямо в цель. Змеи с жезла Лукавого жалят прямо в сердце. Яд течет по венам, мешается с серебристым ихором.

«Победи ты Зевса – и ты давно уже воссела бы на его трон...»

Иногда Афина думала, что ее беззаветная, временами безответная любовь к отцу, любовь вопреки ужасающим приказам и отвратительным требованиям, любовь, прощающая вспыльчивость и несправедливость, упреки и насмешки, чувство, которым нельзя управлять, как нельзя взнуздать Пегаса – это броня, доспех, несокрушимый адамант и туго стянутые ремни. За любовью пряталось нечто, в чем Афина боялась признаться самой себе. Пряталось? Содержалось в неволе, в плену, запертое на сто замков.

Вырвись зверь на свободу – и Афина стала бы кем-то другим.

Неужели это вовсе не любовь? Неужели это последствия родовой травмы, когда журавль в небе превратился в синицу в руке, победа над Зевсом – в победу на Герой и Деметрой? Ты получила место на Олимпе, Дева, а могла получить трон. Не трона ли ты вожделеешь с такой силой, что вынуждена прятать вожделение под доспехом любви?!

Ты ловишь крылатого перевозчика молний. Для кого? Для Зевса? Не с дальним ли прицелом ты это делаешь, сероглазая? Не потому ли стараешься так, что вот-вот сойдешь с ума?!

Мудрость молчит. Военная стратегия молчит.

– Тифон! Но как же тогда Тифон?

Почему ты кричишь, богиня? Не затем ли, чтобы заглушить это убийственное молчание? Раздробить его на куски? Как утопающий за соломинку, ты хватаешься за последнюю надежду, даже если надежда – чудовище, о котором страшно вспоминать.

– Тифон победил Зевса!

Змеи, вспоминает она, глядя на жезл брата. Змеиные ноги Тифона. Чешуйчатые кольца оплели владыку богов и людей, связали, превратили в беспомощнейшее из существ. И что тогда сказал Тифон? «Что теперь? – спросил он. – Что, падаль?» И расхохотался.

– Тифон победил отца! Изувечил, запер в пещере!

– Я помню, – откликается Гермий, мрачней тучи.

– И после этого Тифон не вошел на Олимп! Не воссел на трон! Значит, бывают исключения? Тифон нашей природы, тебе это известно...

– Мне много чего известно, сестричка. Но главное, что я знаю: исключений нет. Тифон не вошел на Олимп? Олимп слишком мал для Тифона, Олимпом можно

пренебречь. Тифон не воссел на трон? Опомнись, подумай: что для него трон? Кресло из золота, плюнуть и растереть. Тифон стал владыкой мира, не нуждаясь во внешних атрибутах власти. В нашей покорности он тоже не нуждался. Мы подтвердили покорность своим бегством. Еще немного, и мы подтвердили бы покорность своим возвращением. Пали бы ниц, принесли бы клятвы и обеты. День, другой, и стало бы поздно сопротивляться. Новый миропорядок вступил бы в свои права. Вот почему ты так торопилась освободить Зевса. Вот почему я рискнул пойти с тобой, хотя всю жизнь бегу от риска. Вот почему освобожденный Зевс бился так, словно родился заново. В первый раз отцу надо было всего лишь победить Тифона – и он не смог. Во второй раз от него потребовалось большее.

– Что?

– Зевс должен был победить чужую победу над собой, сокрушить собственное поражение. Для человека это бы значило восстать из мертвых. Я не верил, что у него получится. Я ошибся.

Гермий вздыхает:

– Я боюсь отца, сестра. Мы все – мастера чудес. Но Зевс способен на невозможное. А теперь хватит об отце. Давай поговорим о Химере.

– О Химере?

В этом храме Гермий истинный Воитель. Если назвать беседу схваткой, Афина пропускает удар за ударом. Если назвать схватку беседой, ничего не изменится.

– Она жжет наши храмы, не так ли?

– Какая новость! – Афина прячется за щитом насмешки. – Ты просто ошеломил меня!

– Наши храмы, – повторяет Гермий. Жезл его чертит в воздухе замысловатые петли. – Храм, как мы с тобой знаем, не просто дерево и камень, алтарь и ступени. Храм – это молитвы и песнопения, жертвы, вера и преклонение. Храм – часть нас. Такая же часть, как рука или нога, разум и память...

Он повторяет недавние мысли Афины слово в слово.

– Химера жжет нас, сестра. Сжигает часть за частью. Подобно Тифону, вырезает нам жилы, прячет их в пещере. Люди отстраивают храмы, мы восстанавливаем сожженное, отращаем утраченное, выздоравливаем. Но Химера неутомима, мы живем в ожидании следующего сожжения. Жизнь накануне пытки? Это больно, это унижительно. В какой-то мере дочь Тифона и Ехидны побеждает нас по частям. Это делает ее сильнее, яростней, питает ее месть.

– Я боюсь не выдержать, – признается Афина. – Явлюсь к очередному пожару, кинусь на Химеру. Приму вызов, вступлю в бой. Все мое существо требует этого.

Гермий кивает:

– И мое требует. Арей испытывает то же самое. Аполлон с Артемидой. Гефест. Даже Афродита, пеннобедрая шлюха, пылает жаждой боя. Природа, что тут поделаешь? Мы дети Зевса, мы не можем допустить, чтобы нас терзала дочь Тифона. Не можем, но допускаем. Значит, природа Химеры растет, а наша у малывается. Очень скоро кто-то из нас не выдержит. Допустим, это будешь ты.

– Допустим, – эхом отзывается Афина.

– Если ты победишь Химеру, я буду счастлив. Если же Химера победит тебя...

Афина хочет возмутиться. Отвесить наглецу оплеуху. Покинуть храм. Ответить на оскорбление. Вступить с оскорбителем в бой: копье против жезла.

Хочет и не может.

– Что тогда? – вместо этого спрашивает она.

– Боюсь, на Олимпе появится новая богиня мудрости и военной стратегии. Это будет особенная мудрость и необычная военная стратегия. Ну и что? Согласись, пока что Химере с избытком хватает и того, и другого. Если Химера победит Аррея, мы получим новую богиню войны. А может быть, она захватит другой участок, милостиво позволив проигравшему сохранить свою честь и участь. Представь себя на месте Химериной жертвы. Тебе понравится такое

милосердие? Что бы ни случилось, мы будем в проигрыше, сестра.

Афина опускает копье. Сама не замечая, во время речи Гермия она держала оружие так, словно собиралась метнуть его во врага.

- И что теперь?

- Надо искать выход. Надо торопиться, потому что время на исходе. И еще... Ты по-прежнему ловишь Пегаса?

- Да.

- Если ловишь, значит, еще не поймала. Я думаю, что Пегас - это свобода. Если ты его не поймаешь, не укротишь - это будет означать его победу над тобой. Пегас с нами одной природы, помнишь? Победа над равным, победа Пегаса над Афиной... А потом его природа велит ему взлететь на Олимп.

Гермий делает шаг вперед:

- Зачем нам на Олимпе бог свободы?!

Эпизодий семнадцатый

В доме Ванакта не чтят Геру

1

Пляска теней

Тьма за дверью шевельнулась, ожила.

Скользнула в покои, обернулась девушкой. Служанка? Из тех, у ворот? Не знаю. Наверное. Даже если так, сейчас она была другой. Волосы по плечам. Хитон черней ночи, с редкими серебряными искорками. Короткий, выше колен. Грудь открыта: одна, левая. Тугая, округлая, с темным, словно нарисованным соском. Так, в хитоне без гиматия, ходили женщины у нас дома, если не собирались на улицу. Грудь они тоже не смущались открывать, только обматывали ее мастодетоном – грудной повязкой.

Эта обходилась без повязки.

Я опустил взгляд, стараясь не пялиться, куда не надо. Не помогло. Складки, сборки, а все-все видно. И ничего не видно в то же время. Видно, не видно, а хочется. Впервые так. Опять же ноги. Точеные коленки. Изящные детские ступни. Не надо, хотел сказать я. Я устал. Сейчас закончу есть и завалюсь спать.

Сил у меня нет. Извини.

Не сказал. Поперхнулся. Закашлялся. Ответом мне была понимающая улыбка. Служанка заговорщицки приложила к губам палец. Миг – и она уже рядом со мной. Да, на ложе. Не на спальном, с море шириной. На узком, трапезном. Присела рядом.

Близко, но не вплотную.

Ложе трапезное. Сидим за столом. Едой пахнет. Но я-то знаю, как оно бывает! Вспомнилась Каллироя, остров, дом Хрисаора, такое же ложе...

К лицу всплыла чаша с вином. Разбавленным? Крепким? Я глотнул: раз, другой. Кашель унялся. Я кивнул служанке с благодарностью и упустил момент, когда тьма в дверях снова ожила. Вторая девушка была огненно-рыжей, как осенняя листва под солнцем. Хитон – зелень весны, под цвет глаз. Как и разглядел-то? Глаза, в смысле. Такое и днем не сразу разглядишь.

– Я...

Не успел. Еще не успел придумать, что скажу, а все равно опоздал. Едва мои губы разомкнулись, рыжая вложила в них оливку. Будто так и надо. Вроде я для

этого рот раскрыл, а она догадалась. Пальцы ее задержались на моих губах дольше, чем требовалось.

Когда их стало трое? Четверо? Пятеро?! Не губ, не пальцев – служанок. Как я оказался на спальном ложе? Нельзя сказать, что ко мне приставали с той вызывающей откровенностью, какую я помнил по встрече у ворот. Ночь разминала мне ступни. Банщик с помощником делали это куда грубей. Осень (Весна?) массировала плечи. Я весь дрожал, откинувшись на подушки. Я был мягче пуха, тверже ясеневое древка.

Что делали остальные? Как я лишился одежды?

Не знаю. Не помню.

Замигал, погас светильник. Еще один. Осталось два. Нет, один, в дальнем углу. Легкое, плавное дуновение. Пламя колеблется, танцует. На стенах в такт колышутся тени. Я не вижу фигур росписи, но чую: они оживают. Сатиры. Нимфы. Кентавры. Лапифы с лапифочками.

О да, они движутся!

Сплетаются, выгибаются. Пляшут. Сходят со стен, приближаются к ложу. Сколько теней вокруг меня? В моих объятиях? На мне, подо мной? Шестеро? семеро?! Тени, тела, силуэты. Сливаются, движутся как единое целое. Многоглавое, многотелое...

Чудовище.

Опасность! Ее резкий мускусный запах врывается в ноздри. Сейчас я ощущаю опасность гораздо острее, чем в болотах Лерны, куда заехал, сбившись с пути под нескончаемым дождем, размывшим дороги. Вкрадчивый шелест. Ткань? Чешуя? Гибкие тела. Влажные, настойчивые прикосновения.

Пытаюсь закричать. Горло сводит спазм.

- Чш-ш-ш-ш...

Шипение. Касания. Чужая плоть, окружившая меня. Все это вламывается в мою память, как разбойник в чужой дом. Проваливаюсь, тону в зыбкой трясине воспоминаний...

2

Ужас Лернейских болот

...сквозь неумолчный шелест дождя долетало чавканье копыт, выдираемых из грязи, и негромкое хрупанье. Проснувшись раньше меня, Агрий занялся завтраком, благо травы в лесу хватало. Дождь коню не нравился, но особых неудобств не доставлял. В любом случае, укрытие нашлось для меня одного: нора под грудой бурелома. Вчера я наткнулся на нее не иначе как чудом, когда уже совсем стемнело. Сжевав всухомятку кусок сыра и половину лепешки, я выбрался из норы. Скормил остаток лепешки благодарному Агрию.

Где мы? Куда ехать?

Деревья тонули в рассветной мгле. Вспомнился остров Хрисаора, окруженный туманом, небо, затянутое тучами... Что, и мне здесь куковать до скончания времен?! Позади бурелома, под которым я ночевал, лес выглядел чуть светлее. Может, там за деревьями и тучами, восходит солнце? Если это восток, мне туда, а потом взять севернее. Там должна быть дорога к Аргосу...

Наверное.

Взобравшись на спину Агрия, я двинулся в выбранном направлении.

Лес начал редеть. Зато почва делалась все более зыбкой – словно мы тяжелели с каждым шагом и земля отказывалась нас держать. Конь ступал осторожно, пробовал копытом неприятно колеблющуюся поверхность. Дождь выдохся, превратился в нудную морось. Кублом белесых змей наползали пряди тумана. Текли, извивались меж болезненных, кривых и заплесневелых стволов. Ноги Агрия утонули в тумане по бабки. Под копытом хлюпнуло.

Болото?!

Мгла наступала, густела; поднялась по брюхо. Куда бы мы ни сворачивали, под копытами вскоре начиналось хлюпанье. Туман жил своей тайной жизнью: вспухал седыми мохнатыми горбами, опадал, вихрился, успокаивался, чтобы взбурлить в другом месте. Казалось, движется не туман, а что-то в нем.

Ерунда, успокоил я себя. Какому зверю охота киснуть в гнилом болоте, где и поживиться-то нечем?

По конской спине прошла волна дрожи, передавшись мне. Накатила едкая вонь, мешаясь с болотными миазмами. Так пахли мази нашего дворцового лекаря. Агрый всхрапнул, попятился. В тумане по правую руку от нас шевельнулся ствол поваленного дерева, с меня толщиной. Шевельнулся?! Изогнулся, скользнул вбок, скрылся из виду...

Шелест. Листья? Чешуя?!

Меня настиг мой давний ужас. Тугие скользкие кольца на горле, воздух кончился, я не могу вдохнуть, в глазах темнеет...

Не может быть! Не бывает таких змей!

Паника рвотой подступила к горлу, готова выплеснуться наружу диким воплем. Агрый взвился на дыбы, храпя, развернулся, намереваясь скакать прочь. Копыта с маху увязли в трясине. Рвануть с места в галоп не вышло. Двигаться, надо двигаться: шагом, как угодно, куда угодно! Останемся на месте – увязнем, пропадем...

Движение: справа, слева. Смутное, едва различимое. Вкрадчивость, хозяйская неторопливость. Плавные изгибы, влажные отблески. Неумолчный, сводящий с ума шелест. Ближе, ближе. Туман в испуге отпрянул – и я увидел.

Голова змеи была с голову Агрива. Шея толще моего бедра. Гадина выглядела на удивление чистой. Вокруг болото, сплошная грязь, а она словно только из купальни вылезла. Вон, аж лоснится...

Боги, о чем я думаю?!

Пальцы нащупали дротик. Сжали сырое, волглое дерево. Разжались. Одним броском я убил только Алкимена. Даже львицу не смог. А уж эту тварь...

Шелест. Сбоку. Я осторожно скосил взгляд. Из седой кипени поднялась вторая голова – близнец первой. Шелест. Еще одна. Еще...

Да сколько ж вас здесь?!

Агрый замер, превратился в статую. Меня посетила безумная мысль: в глубине трясины погребена голова Медузы Горгоны. Персей отсек ее и зашвырнул с другого края света в здешнее болото. Все эти годы бессмертная голова продолжала жить и расти. Сегодня ее гигантские волосы-змеи достигли поверхности – и надо же было мне с моим везением забрести в здешние топи!

Вот-вот на поверхности покажется голова чудовища. Один взгляд – и я стану камнем. Коню хватило змей, он уже окаменел...

Наваждение упало, обожгло, схлынуло. Конь тяжело дышал, его била мелкая дрожь. На меня, напротив, снизошло мертвое спокойствие. Бежать некуда, отбиться невозможно. Все уже случилось. Давно ли ты желал умереть, Метатель-Убийца? Радуйся! Сейчас твое желание исполнится.

Агрив только жалко.

Они выползали из тумана. Тянулись ко мне. Приближались, покачивались из стороны в сторону. Танец змей завораживал, они двигались как единое существо. Эти души не станут, сразу сожрут. Лишь бы поскорее, ненавижу, когда душат.

Тихое шипение. Такие громадины должны шипеть громче. В шипении мне почудилось удивление. Растерянность. Интерес. Я сошел с ума? Это к лучшему. Безумцу не страшно умирать. Безумцу ничего не страшно...

Отчего я уверен, что это уже было?

Львиные ноздри раздуваются. Подрагивают уши козы. Мелькает раздвоенный язычок в змеиной пасти. Жало змеи пробует воздух, улавливая мельчайшие изменения. Почему вы медлите? Три тела, слитых в одно – почему вы не рвете, когтите, сжигаете?!

Нет льва, нет козы. Но раздвоенные жала змей так же пробуют воздух, лова – что? Вкус? Запах? Три тела, шесть – какая разница? Если три – это одно, и шесть – тоже одно?! В тот миг, когда язык, скользкий и прохладный, касается моей шеи, я наконец вижу ее целиком.

Я вижу Лернейскую Гидру.

Она не передо мной. Она вокруг меня. Чешуйчатые изгибы – со всех сторон. Вздываются из трясины выше головы Агрия. Живое, текучее кольцо – и пустое пространство в середине: круг семи шагов в поперечнике. В центре круга – я. Чудовищное гнездо. Гнездо чудовища. Нет, чудовище и есть – гнездо. А я тогда кто? Добыча, что сама явилась прямо в пасть? Птенец в гнезде?!

От едкого запаха кружится голова. Сознание мутится, перед глазами все плывет. Туман тает, расточается. Проступает островок суши посреди болота, увенчанный горбатой, кривой ветлой. Дерево горит, корчится в багровом пламени, будто человек в огне Химеры, и никак не может сгореть. Пламени нет, а в том, чего нет, трудно сгореть. Или все-таки есть? Багровое зарево тлеет дальше, за островком. На его фоне корявая, но живая ветла выглядит мертвым обугленным силуэтом. Этот недобрый свет идет из-под земли. От него у меня сводит живот.

Не знаю, что там. Не хочу знать.

Отвожу взгляд.

Гидра. Где Гидра? Тварь, когда ты исчезла? Куда? Уползла прочь? Ушла в бездонную трясину? Сколько я простоял здесь?

Темнеет. Вечер? Или я начал слепнуть?

Агрый шумно фыркает. Переступает с ноги на ногу. Лишь сейчас я понимаю, что все это время конь простоял без движения, не издав ни звука. Копыто находит мохнатую кочку. Та поддается, но держит. Шаг, другой...

Она меня не тронула. Обнюхала, облизала, но не тронула. Это ли не чудо? Еще большее чудо, что Гидра не тронула Агрю. Повезло? Удача в кои-то веки повернулась ко мне лицом?

Радуга! Радуга в небе.

Ее не было. Или была, а я не заметил? Мне не угрожала смерть? Как и тогда, когда Химера прилетала во второй раз? А может, Хрисаор больше не придет ко мне, что бы ни случилось?!

Мысли путались. Что это под копытами? Олень? Точно, олень. Совсем еще молодой. Мертвый. На шее – две глубокие черные отметины. Следы зубов. Между отметинами – полторы ладони, не меньше. Мертвая плоть вокруг укуса вздулась, шкура лопнула. Смердящий гной стекает в болотную грязь.

Добыча Гидры. Почему она не съела оленя? Была сыта? Оставила на потом? Решила поделиться со мной?!

Чувствуя, как безумие обступает меня со всех сторон, тянет на дно, собираясь утопить, я развернул коня. Погнал прочь, не разбирая дороги. Нам везло: мы не завязли, не утонули в трясине, не переломали ноги в колдобинах и буераках. Вскоре копыта уже стучали по влажной, но твердой – твердой! – земле.

Прочь! Скорее прочь отсюда!

Безумие следовало за мной по пятам, зная, что жертве не убежать.

3

«Во дворце ванакта не чтут Геру...»

- Почему ты вырвался? Почему кричал?

Гидра уползла. Служанки сбежали. Болота Лерны превратились в гостевые покои аргосского дворца. Дрожа всем телом, задыхаясь от ужаса, я разметался на ложе, которое еще недавно было ложем утех. Передо мной, завернувшись в гиматий, стояла Сфенебея, жена ванакта.

Я не помнил, когда она присоединилась к девушкам. Должно быть, незадолго до того, как мне померещилась Гидра.

- Я слишком стара для тебя?

Сфенебея присела на край ложа, коснулась моего плеча рукой. Меня бил озноб: от страха, от стыда, сам не знаю, от чего еще. Вожделение быстро покидало неудачливого любовника, сменяясь тряпичной вялостью членов. Так бывает, когда снится кошмар: ты хочешь убежать от преследователя, но тело не слушается, повисает стиранным бельем на веревке. Мне не хватало ни возраста, ни опыта, ни житейской смекалки, чтобы понять, что происходит, чего же от меня хотят. Мужской силы? Страсти?! Удовлетворения старческой похоти?! Сфенебея годилась мне в матери, но старухой она не была. И потом, любая женщина на ее месте обиделась бы, когда я отказался возлечь с ней. Каллироя точно обиделась бы. И Филомела. Первая утопила бы наглеца в воде, вторая - в насмешках и оскорблениях.

Почему эта не обижается? Потому что она старше, опытней?

- Ты первый, - внезапно сказал она.

- У тебя? - брякнул я.

И смутился, сообразив, какую глупость произнес.

- У меня, - смеясь, она взъерошила мне волосы. - Первый, кто отказался. Кто вообще заметил подмену. Мои служанки - редкие искусницы. Мужчину они способны довести до безумия. А когда мужчина лишается ума, когда в крови его горит пожар... В такие мгновения ему все равно, кто рядом с ним на ложе. Одной женщиной меньше, одной больше. Подложи овцу, он и ее покроет.

Ее рука не покидала моих волос. Легкие поглаживания, прядь наматывается на палец, острый ноготь царапает кожу. В прикосновении Сфенебеи было больше от матери, чем от возлюбленной. С годами я пойму, что это мне нравилось, пойму также, что действовала она осознанно, умудренная опытом общения с десятками таких юношей, как я. Но сейчас я просто молчал и боялся попросить ее убрать руку.

- Ты не похож на человека, чья воля способна справиться с похотью. Это приходит с возрастом. Будь твоя воля так сильна и властна, ты бы не отказал жене ванакта, зная, что от воли правителя в свою очередь зависит твое очищение. Стоит жене нашептать мужу пару слов, и ты уйдешь из Аргоса ни с чем. Это, конечно, если тебя не убьют. Но ты справился и отказал. Как? Почему?

- Мне вспомнилась Гидра, госпожа.

- Гидра? Какая еще Гидра?!

- Лернейская, госпожа.

Кажется, она ждала любого ответа, кроме этого.

- Рассказни про болотное чудовище помешали тебе возлечь со мной? И ты считаешь, что я поверю этому?

- Не рассказни, госпожа. Я видел Гидру. Встречался с ней.

- И остался жив?!

- Да.

- Каким образом?

- Не знаю. Она даже не тронула моего коня. Когда мы уезжали, там лежал убитый олень. Полагаю, она угостила меня олениной.

- И ты ел?

- Нет. По оленю расползался яд, я не рискнул.

Ее пальцы резко сжались. Еще чуть-чуть, и она вырвала бы у меня прядь волос. Это было больно, но я промолчал. Не вздрогнул, ничем не выдал, что поведение Сфенебеи пугает меня. Пугает после Гидры? Она бы точно не поверила.

- Ты меня боишься? - после долгого молчания спросила она.

В голосе Сфенебеи я слышал насмешку. Я ждал, что услышу еще и обиду, но этого не случилось.

- Я похожа на Гидру?

- Не ты, госпожа. Твои служанки. Они напомнили мне Гидру. Даже будь я мертвецки пьян, это воспоминание отрезвило бы меня. Да что там! Оно бы подняло меня не только с ложа, но и из могилы.

- Почему я тебе верю?

- Потому что я говорю правду.

В покоях было темно. Единственный светильник, чей фитиль трещал от огня, грозил погаснуть в любой миг. Густо набеленное лицо Сфенебеи луной висело надо мной. Я вспомнил рассказ о том, что Селена, богиня луны, каждую ночь заглядывает в Латмийскую пещеру и любуется прекрасным охотником Эндимионом, сгорая от неразделенной любви. Бессмертный юноша спит вечным сном - такое условие поставил ему Зевс, угостив нектаром. Наставник Поликрат, впрочем, утверждал, что Селена родила от спящего полсотни сыновей, на что наставник Агафокл только хмыкал и удалялся, чтобы не сказать лишнего при детях.

Селена и Эндимион. Беллерофонт и Сфенебея.

Наши истории схожи.

- Ты смущен, - она убрала руку с моей головы. Понюхала ладонь, наслаждаясь запахом моего пота, словно ароматическими притираниями. Улыбнулась,

бестрепетно встретив мой взгляд: – Тебя смущает мое присутствие? Мои расспросы? Хочешь, я угощу тебя олениной? В ней не будет яда, клянусь.

– Это твой дворец, госпожа. Я всего лишь гость. Поступай как знаешь.

– Тебя смущает мое поведение?

– Да.

– Твой отец знал женщин, помимо твоей матери?

– Да.

Я вспомнил женщин под покрывалами, которых приводили к отцу. «Моления о благоденствии стад услышаны! Прочие моления не услышаны...»

– Среди них были такие, кто младше твоего отца? Сильно младше?

– Да.

– Они приходили по любви? Или за плату?

– По-разному.

– Приглашал ли он танцовщиц? Флейтисток? Только не говори мне, что не знаешь, что делают флейтистки, когда не дуют в свою флейту!

– Приглашал. В доме были гости, их следовало уважить, развлечь...

– Брал ли твой отец женщин силой?

– Не думаю.

– На войне? На войне мужчины насилуют пленниц.

– Про отца не знаю. Наставник Поликрат рассказывал... Он брал. Говорил, на войне все так делают.

– Тогда почему же ты отказываешь мне в тех вещах, в которых не отказывал себе ни твой отец, ни наставник Поликрат? Только потому, что у меня под животом не меч, а ножны?!

– Кто я такой, чтобы отказывать тебе, госпожа?

Разговор меня тяготил. Сбежать? Нет, это прямое оскорбление.

– И все же ты мне отказал. Случись все иначе, мы бы сейчас не разговаривали о превратностях войны, а занимались радостями жизни. Повторю вопрос: тебя смущает мое поведение? По отношению к тебе? Отвечай, от твоей искренности зависит твоя судьба в Аргосе.

– Я первый, кто отказался. Это значит, что я не первый, кто...

– Заинтересовал меня.

– Да.

– Не первый в этой спальне. Продолжай.

«Будь осторожен, – шепнула память. – Во дворце ванакта не чтут Геру.»

Я закрыл глаза. Я видел не Сфенебею, холодную луну в темном небе. Я видел свой въезд в Аргос. Великие боги! Каким же глупцом ты был, несчастный Беллерофонт! Да еще и глухим на оба уха.

* * *

...толпа сопровождала меня через весь город.

В Аргосе я раньше не был, никто меня здесь не знал. Но я сглупил: въехал в город верхом на Агрии. Слухи быстрее любой лошади. Если кто и обгонит

крылатого Пегаса, так это они. Молва об убийце из Эфиры, что разит без промаха и ездит верхом, опередила моего коня. В городе я спешил: увы, поздно. Я уже привлек к себе внимание, собрал толпу. Ближе, чем на пару шагов, никто не подходил – аргивяне опасались скверны. Но люди неотступно следовали за мной: роптали, переговаривались, насмешничали. Делились мнением насчет гостя, гудели растревоженным осиным гнездом.

Вот-вот налетят, зажалят до смерти.

Странно, что никто не бросил камень. Не рискнул пырнуть меня ножом, размозжить голову палкой. Кровь сквернавца дозволена и вряд ли аргивяне отличались каким-то особенным миролюбием. Чудо, что мне дали добраться до акрополя – того, что звался Лариссой.

Из толпы и вывернулся – быстро, на три кратких удара сердца – странник Кимон. Я сразу его узнал: это Кимон забредал в наши края, ночевал у костра табунщиков, потчuya нас историями о дальних землях. За прошедшие годы Кимон мало изменился, разве что прибавилось серебра в бороде и на висках.

– Будь осторожен. Во дворце ванакта не чтут Геру...

Шепнул, не глядя в глаза. Нырнул обратно в толпу, растворился, как соль в воде. Не думаю, что за общим гомоном кто-либо, кроме меня, расслышал его слова.

Ну, я расслышал. И что с того? Забыл, отмахнулся, погружен в собственные невзгоды. Вспомнил только сейчас. Во дворце не чтут Геру, богиню семейных уз, покровительницу брака и домашнего очага. Пойми я это раньше, вняв предупреждению, сообрази, о чем говорит Кимон, еще у ворот акрополя, когда служанки, смеясь, облизывали меня...

И что бы я сделал?

Ничего.

Большие планы, большая ошибка

Светильник догорел.

Темнота съела всё: стены, потолок, людей, мебель, ткани. От нас остались только голоса да еще смутный бледный лик в вышине. Я хотел сесть, но боялся – она могла счесть, что я хочу завершить разговор и уйти. Что мне приятней ночевать под открытым небом, чем здесь, под крышей, если она рядом.

– Ты жена ванакта, госпожа. Что скажет твой муж?

– Что скажет мой муж, учитывая, что ты ждешь от него очищения? Вот что ты хотел спросить на самом деле, так?

– Да, госпожа.

– Мой муж ничего не скажет. Ничего такого, что могло бы помешать твоему очищению. Ничего, что могло бы тебе угрожать. На то есть две причины. Первая: мой муж – трус.

– Трус?

– Это знает весь Пелопоннес. Весь Пелопоннес, кроме тебя. Мой муж не отомстил за убийство своего отца. Он сидит на троне, обагренном отцовской кровью, на троне, который ему подарил убийца. Подарил? Бросил, как бросают кость псу. Случается, человек зовет собаку другом; так случилось и с моим мужем. Убийца подарил ему трон и кличку Друг, забрав честь и гордость. И что сделал мой сильный, мой воинственный муж? Год за годом он грызет эту кость. Зубы сточились, клыки выпали, а он все грызет. Ни клочка мяса не осталось на кости, а он все грызет. С первой причиной все ясно. Хочешь узнать о второй?

– Да, госпожа.

Я был рад сменить тему. Слышать такое от жены? «Зубы сточились, клыки выпали...» Будь я ванактом и супругом, я бы покончил с собой, узнав, что говорит обо мне мать моего сына. Нет, я бы убил ее. Нет, я бы... Не знаю, что бы я сделал, но что-то сделал бы.

– Причина вторая состоит в том, – луна качнулась в небе, – что Мегапент сидит в Аргосе не на троне. Будь все так просто, он давно бы лишился трона. В Аргосе не любят трусов, но любят царские венцы. Да и вне Аргоса нашлось бы много желающих забрать кость у одряхлевшей собаки.

– На чем же он сидит, госпожа?

– На копьях.

– На копьях? На них невозможно усидеть! Они острые!

– Ты мало знаешь жизнь. Копья – лучшая опора для владыки. Мой муж сидит на копьях ликийских воинов, которых прислал мой отец. Давным-давно, когда ты еще не родился на свет, мой хитроумный свекор Пройт явился к моему деду Иобату в Ликию. Изгнанник, как ты, он предложил деду свои услуги. Дед видел людей насквозь. Он понимал, что Пройт – не лучший человек под небесами. Но тот, кто с юности враждовал с родным братом за власть в Арголиде, может быть полезен...

Враждовал с родным братом... Я вспомнил слова красавчика Анаксагора: «Жаль, у меня нет братьев. Только отец.» Лихорадочный румянец, блеск глаз. Что ты задумал, Анаксагор? Чего хочешь от меня? «В Аргосе не любят трусов, но любят царские венцы...»

Неужели ванакту Мегапенту следует бояться собственного сына?!

– Мой дед предоставил в распоряжение Пройта целую армию. Ликийские копья не вернули изгнаннику аргосский трон, но позволили закрепиться в Арголиде. Аргос Пройту вернул Персей, великий Персей, будь он проклят, но это уже другая история.

– Будь он проклят?

Я не поверил своим ушам.

– У тебя были плохие учителя, юноша? Или ты прогуливал занятия, сбегая на море? Персей вернул Пройту власть в Аргосе, чтобы вскоре убить Пройта, не

объясняя причин. О, Персей! Непобедимый сын Зевса! Одной рукой он дает, другой забирает. Трон, еще не остывший от прежнего ванакта, он передал Мегапенту, сыну Пройта. И мой муж принял подачку! Я в те дни уже была его женой – хитрец Пройт решил женить сына на ликийке. Мой дед состарился и умер, но Ликией правил мой отец, Иобат Второй. Он не отказал просителю в дочери для его сына. Впрочем, хватит!

Она хлопнула меня ладонью по плечу:

– Ты не ученик, а я не учитель. Все, что тебе следует знать, так это то, что я ликийка царского рода. Это и есть вторая причина, по которой мой муж закрывает глаза на мои вольности.

– Копья! – догадался я. – Ты, госпожа, это ликийские копья!

– О, ты знаешь, как польстить женщине! Копьями меня еще никто не называл. Да, я копья, а еще я Сфенебея, дочь Антии. У нас ведут род по материнской линии. Спроси ликийца о его родословной, и он перечислит всех женщин в семье: мать, бабушку, прабабушку...

Дети, подумал я. При таких вольностях, какие позволяет себе Сфенебея, без детей не обойтись. Без внебрачных ублюдков, лишенных наследства, места в доме, любви отца, который им не отец, а всего лишь муж матери... Стыд ожег меня плетью. А я, я сам? Разве был я лишен отцовской любви? Заботы человека, который был всего лишь мужем моей матери? Матери, не выносившей меня во чреве своем?

– Наследство в ликийских семьях оставляют дочерям, – Сфенебея опять читала мои мысли. – Если свободная женщина зачинает дитя от раба, ребенок рождается свободным. Если же у рабыни-наложницы рождается сын – чьим бы сыном он ни был, хоть царя, он будет рабом. Этот закон мои предки принесли в Ликию с Крита, переплыв море и подавив сопротивление местных царьков. Ты позволишь мне прилечь?

– Что? Это твой дворец, госпожа!

– Это мой дворец, но твои покои. А у меня устала спина. Возраст, как ни горько в этом признаваться. Сидеть на краю ложа утомительно, особенно если твой

собеседник лежит...

Я попытался вскочить, но толчок в грудь опрокинул меня.

– Лежи, не прыгай, лягушонок. Прилягу и я. Успокойся, Гидра не станет посягать на твою невинность. Уйди я от тебя раньше обычного, и по дворцу разнесутся сплетни. Оно нам надо?

Она легла рядом, устроившись поверх покрывала.

Во дворце ванакта не чтут Геру, мысленно повторил я. Ты не прав, многомудрый странник. Во дворце чтут Геру – властную Геру, хитроумную Геру, мятежницу Геру. Ту, которая помнит, что она не только жена, но и старшая сестра могучего Зевса.

«Зевс ослабел, – заявила Гера. – Раньше ему не требовался отдых перед новым сражением. Раньше он мог одержать две победы за ночь и приступить к третьей, даже не переведя дух. А сейчас? Сами видите, бессмертные. Хорошо, нас он ни во что не ставит. Так было всегда, мы привыкли. Но и сам он уже не тот, что раньше. Нам нужен новый владыка богов!»

Да, дедушка. Я помню твою сказку.

Я помню и свою мать. Язык не поворачивается назвать ее приемной. Эвримеда, дочь Ниса, жена Главка – вся Эфира сплетничала о тебе, мама. Во дворце пренебрегают семейными узами! Пятнают чистоту брака! Соблазняют гостей, поят допьяна, ведут на ложе к супруге правителя! И муж это терпит? Да что там терпит! Поощряет!

Вне сомнений, многие шептались по углам: «Во дворце базилия не чтут Геру!..» Эвримеда-эфирянка и Сфенебея-ликийка – в вас столько же общего, сколь и различного. Мама, сплетники не знали всей правды о тебе. Какой правды не знаю я о Сфенебее? Не ошибусь ли в выводах, заблудившись во тьме? Не повисну ли на золотых цепях между небом и землей?!

– Ты первый, – повторила Сфенебея. Мое молчание она слушала, не перебивая, словно живую речь. – Первый еще и в том смысле, что с тобой приятно беседовать. Думаю, гораздо приятней, чем предаваться любви. Не обижайся, это скорее похвала, чем оскорбление. Твоя наивность... Нет, скажу иначе: ты умеешь слушать. Слушать так, что мне хочется рассказывать дальше. Великая Афродита! Я учу безбородого юнца истории аргосского трона! Вместо того, чтобы ласкать мою грудь, он тянет меня за язык! Тебя кто-то обучал этому искусству?

– Да, госпожа.

– Кто?

– Гермий, Податель Радости.

– Тебя учил бог?!

– Так вышло, госпожа. Я не виноват.

И тогда она сказала кое-что, чего я не понял.

– У моего сына на тебя планы, – задумчиво произнесла Сфенебея. – Большие планы. Раньше я считала это пустой блажью. Сейчас я затрудняюсь с ответом. Это или подарок судьбы, или пугающая ошибка. Очень большие планы; очень большая ошибка.

Я ждал, что она что-то добавит, объяснит свои слова, но она молчала. Дыхание Сфенебеи успокоилось, сделалось ровным, едва слышимым. Она спит, понял я. Спит преспокойнейшим образом, в то время как я, лежа рядом с ней, мучаюсь бессонницей. Странное дело! Ворочаясь с боку на бок, я чувствовал себя жертвой насилия в большей степени, чем если бы возлег с ней по принуждению или из корыстных соображений.

Я был уверен, что не засну до утра. Я ошибся.

Когда я проснулся, Сфенебея уже ушла. На низком столике, придвинутом к ложу, стоял кубок с двумя ручками в виде петель. В кубке очень кстати

оказалась вода. Еще меня ждало овальное блюдо с холодным, нарезанным ломтиками мясом. Оленина, понял я еще до того, как сунул в рот первый ломтик. Ну конечно же, печёный оленин окорок.

Поверх мяса краснела змейка, нанесенная кизилковым соусом. Думаю, змейка изображала яд. У Сфенебеи были своеобразные шутки и хорошая память.

Стасим

Звезды над Килленой

– Радуйся, мама. Это я, видишь?

Звезды рядом. Потянись – достанешь. На Киллене так всегда, на то и гора. Выше других? Чепуха, неправда. Но кто бы знал, почему отсюда ближе до звезд, чем с вершины Парнаса, Оссы, Пелиона? С вершины Олимпа?!

– У тебя все в порядке? Ну и хорошо.

Вот они, Плеяды, Семь Сестер. Ковшик с ручкой тонет в голубоватой дымке. Гермий протягивает руку, пальцем пересчитывает звезды. Сейчас бог похож на мальчика, только что выучившегося счету. Семь Сестер? Нет, шесть. Ярче всех мама, Майя Атлантида[5 - Атлантида – дочь Атланта.]. Под мамой вместо звезды мерцает легкое облачко – место для седьмой сестры: Меропы, жены Сизифа.

Вдовы Сизифа.

Гермий вечно путается: жена или вдова? Когда раз в месяц носишь бурдюк с вином на гору, где муж катит камень, трудно поверить, что его жена давно овдовела.

– Ты придержи местечко, мама. Она скоро придет.

Да, молча соглашается мама. Меропу на земле больше ничего не держит. Супруг умер, даже два раза умер. Дети выросли, разъехались. Главку Эфирскому не до матери, у него иные заботы. Внуки сошли в Аид. Жив один, да и тот в изгнании. Мы ждем, малыш. Я, твоя мать, и твои драгоценные тетушки – мы ждем не дождемся, когда Мeroпа присоединится к нам.

Она будет самой тусклой из Плеяд. Иные скажут, что от стыда: вышла замуж за смертного. Иные скажут: от печали. Первых будет больше: сплетников с ядовитыми языками всегда больше.

Тебе тоже не до матери, Гермий, спрашивает мама. Да? Ты редко навещаешь меня здесь, на Киллене. Если ты сидишь на горе? туча тучей, если обращаешься ко мне, я знаю: с тобой что-то не так. Позволь вернуть тебе вопрос: у тебя все в порядке?

– У меня? Нет, мама, у меня не все в порядке. Я бы сказал: ничего не в порядке. Ты, главное, не переживай. Ладно? Потускнеешь, поблекнешь.

За спиной дышит пещера. Она всегда дышит, она живая. Почему? В пещере родился бог. Не всякой пещере выпадает такая честь. На Крите в Диктийских горах тоже есть пещера, которая дышит. В ней родился Зевс, в ней он прятался от отца-богоеда. В Олимпийской Семье только двое родились в пещерах: Зевс и Гермий, отец и сын. В этом, пожалуй, можно найти повод для гордости, если тебе больше нечем гордиться.

– Этот мальчик, мама. Внук Меропы. Я знаю, у них разная кровь, но если Мeroпа зовет его внуком... Пусть будет внук. Он не дает мне покоя. Представляешь? Смертный не дает покоя богу! Я брожу вокруг него, ощупываю, как слепец ощупывал бы Химеру. Тронул тут: коза, молодая коза[б - Имя Химера буквально означает «молодая коза»]. Тронул там: лев. Коснулся в другом месте: змея. Сунул руку в огонь: костер. Если нет зрения, как собрать целое? Я уверен, что это коза, так откуда же гремит львиный рев? Я уверен, что это лев, но откуда жар костра?!

Мама слушает. Так слушать умеют лишь матери. Слушают мамины сестры, беспокоясь за племянника. Прекратил вечную погоню за Плеядами буйный Орион – это он загнал дочерей Атланта на небо и вскоре отправился следом за ними. Подслушивает? Даже если так, это не имеет значения.

Орион никому не проболтается.

– Так и с мальчиком, мама. Вот смертное дитя, но откуда берется великан? Кто этот великан? Вот смертное дитя, но при чем тут Пегас? Кровь смертного годами сохраняется в источнике. Крылатый конь пьет из каменной чаши, чуя эту кровь. Не улетает, завидя дерзкого; не убивает. Вот смертное дитя, но почему загорается радуга? Я ничего не понимаю, мама. Я боюсь его трогать, как боялся бы тронуть Химеру. Представляешь? Я, Гермий, боюсь.

Ветер шелестит в кронах деревьев. Журчит ручей. Дыхание пещеры делается тихим, ровным, как дыхание спящего. Смолкают ночные птицы. Гора успокаивает бога.

У горы не получается.

– Его не тронула Химера, мама. Я видел это своими глазами, прежде чем убежать. Его не тронула Гидра. Этого я не видел, врать не стану. Но он вышел из болот Лерны живым, и даже с конем. У истоков Амимоны есть старый платан, Гидра живет в норе под ним. Когда она выползла на равнину, собираясь украсть корову-другую, я рискнул слетать к платану. Не ожидал, но дриада этого дерева еще жива. Старуха, больная, как и платан. Вся в коросте, в бородавках. Из рта воняет трухой. От ее разума остались жалкие клочья, но мне удалось ее разговорить. Это правда, мальчик встречался с Гидрой. Дриада хихикала, рассказывая, что Гидра не тронула лошадь. Ее это забавляло больше того, что Гидра не тронула человека. Не скажу, что это позабавило и меня. Скорее ужаснуло. Что должна была увидеть Гидра в мальчике, чтобы не тронуть даже коня? Неужели она почуяла радугу? Великана?! Впрочем, покусись Гидра на коня, на одного коня и только – не было бы ни радуги, ни великана...

Почуяла, повторяет мама. Ты сказал, малыш: Гидра почуяла. Про себя ты говорил: увидел, тронул, ощупал. Замечаешь разницу?

– Да, ты права. Там, где у меня логика, у чудовищ нюх. Гидра и Химера – родные сестры, дочери Тифона и Ехидны. Такие, как я, глядя на себе подобных, видят природу, имя, возраст. Такие, как Химера и Гидра, это чувствуют. Неужели чутье сообщает им больше, чем мне моя логика? Неужели природа мальчишки ближе, любезнее чудовищам, чем природа Гермия или Афины? Если он – тоже чудовище, я впервые вижу такое бестолковое, незащитное, уязвимое тысячью

способов чудовище. С другой стороны, радуга и великан... В чем я ошибаюсь?

Не знаю, молчит мама. Я не чудовище, откуда мне знать? Я звезда, свечу всем и каждому. Спроси кого-нибудь другого. Или допытывайся сам. Прости, малыш, я не в силах тебе помочь.

– Я говорил с Афиной. Я рискнул пригласить ее в храм, где мы едва ли не враги. В этом храме мы срастаемся краями, а что это значит для богов, если не вражду? Думал, так она лучше поймет. Она ничего не поняла. Она ловит Пегаса, его крылья закрыли для нее все. Эта погоня, поражение за поражением... Они выели Афины изнутри, как древоточцы. Богиня? Гнилой ясень, вот-вот рухнет. Я стучался в запертую дверь, мама.

Тишина. Ветер. Мерцание в небе.

– Афина помешалась на Пегасе. Зевс тут давно ни при чем, Зевс и молнии. Мудрость и военная стратегия сходят с ума от желания укротить свободу. Поставить ее на службу, взнудать. Неужели я помешался на мальчишке, мама? Ловкость и хитроумие, выгода и извилистость путей – чего мы хотим от парня? Зачем он нам нужен? Неужели этот смертный – мой Пегас?!

Ветер. Тишина. Проходит время.

Гермий идет в пещеру. Ложится на каменный пол. Сворачивается калачиком, сует большой палец в рот, как это делают дети.

Засыпает.

Ему снится Тифон. Тифон ему снится по частям, это не страшно и даже забавно. Отдельно – змеи ног. Отдельно – драконы рук. Отдельно – косматая голова. Глаза закрыты, язык вывалился наружу. Отдельно – огонь, из которого теперь куют молнии. «Тронул тут: коза, – говорит кто-то, кажется, сам Гермий. – Тронул там: лев. Коснулся в другом месте: змея. Сунул руку в огонь: костер. Если нет зрения, как собрать целое?» Змеи, драконы, гигант, пламя. Многотелость Тифона. Многотелость Ехидны. Многотелость их дочерей, Химеры и Гидры.

Многотелость. Часть букв осыпается наземь. Остается другое слово, резкое как удар бича: мечь. Нет причин для страха, но Гермий вздрагивает. Скверный сон, нужен другой.

Ага, вот и он.

Ему снится лира. Лира из панциря черепахи, с тростниковыми колка?ми. Эту лиру он отдал гневному Аполлону, как плату за украденных коров. Семь струн, семь сестер. У каждой свой особый звук. Где ни заиграют на лире, мама, там вспомнят тебя и остальных Плеяд. Где звучит лира, там светите вы, дочери Атланта, даже если на дворе ясный день.

Небесное мерцание тайком пробирается под темные своды, укутывает спящего одеялом из звездного пуха.

Эпизодий восемнадцатый

Гроза над крепостью

1

Циклоп берется за копье

Двор было не узнать.

Гулкий и пустой вчера – только ветер да эхо собственных шагов – сегодня с утра он полнился людьми, гомоном, суетой. Точь-в-точь Эфира накануне праздника! На крыльце степенно беседовали советники правителя – этих за стадию узнаешь, не ошибешься. Кто-то до хрипоты спорил со стражей в воротах. Рабы таскали корзины и амфоры; их действиями, стоя в тени портика, руководила хозяйственная, не в пример вчерашнему, Сфенебея. Рядом с ванактиссой, отблескивая бронзой доспехов, замерли две живые колонны: телохранители.

Ликийцы, подумалось мне. Ликийские копья.

Они и впрямь были при копьях, эти двое. Лица их надежно скрывали глухие забрала шлемов. Похоже, телохранители и впрямь не отходили от госпожи ни на шаг. Почему? Кто может угрожать жене правителя в доме ее мужа?

Удивительно еще, что эта грозная парочка не заявила вчера в мои покои. Небось, за дверью ждали. А зашли бы – то-то бы мы повеселились!

Стайкой мотыльков выпорхнули служанки. Косились на меня, хихикали, прикрывали рты ладошками. Притворялись, что заняты делом. Поглядывали на госпожу: не гневается ли? Сфенебея оставила девиц без внимания. Зато я был нарасхват. Служанки, советники, рабы – несчастный Беллерофонт стал центром общего интереса. Я поспешил сойти с крыльца, нахлобучил на голову мягкую шляпу из войлока – ее мне подарили вместе с хитоном. Безвылазно отсиживаться во дворце, служа темой для пересудов? Нет уж, лучше мы прогуляемся по городу. На улицах Аргоса тоже есть шанс быть признанным, но я надеялся, что отсутствие Агрия и новая одежда помогут мне обойтись без приключений.

Да, шляпа. В такой же объявился Гермий, когда я впервые его увидел. Воспоминание не из приятных, но больше мне нечем было прикрыть голову – и лицо, насколько возможно.

Краем глаза я заметил движение. Двор напоминал деловитый муравейник, все куда-то шли, что-то тащили, несли, торопились, прохаживались, но это движение было иным, особенным. Целенаправленным? Опасным? Двусмысленным?

Не знаю.

Циклоп пересекал двор наискось, как боевой корабль – залив. Перед абантом расступались морские волны, прыскали прочь мелкие рыбешки, снимались с воды рыбачившие чайки. Порт назначения корабля сомнений не вызывал: портик, давший укрытие жене ванакта.

Абант подошел, встал на рейде – в пяти шагах от Сфенебеи.

– Радуйся, госпожа.

Станным образом его негромкий хрипловатый голос выделился из общего гомона. Я расслышал сказанное с двадцати шагов. Зато ответ Сфенебеи растворился в шуме без следа.

– Прости мою дерзость, госпожа. Ответь, зачем тебе эти двое меднолобых?

Надо же, Циклопа тоже заинтересовали телохранители ванактиссы. Не слишком ли напоказ он спрашивает? Не в открытую ли грубит? Вокруг полно досужих ушей, включая мои. На меднолобых кто угодно обидится.

Две закованные в металл колонны не шелохнулись.

– Зачем спрашивать очевидное? – на этот раз я расслышал ответ Сфенебеи. – Разве тебе не известно, что владык сопровождает охрана?

– Тебе угрожает опасность, госпожа? Здесь, во дворце твоего мужа?

Мои мысли, мои невысказанные вопросы. Сейчас они звучали из чужих уст. По правде, я бы предпочел, чтоб их озвучил кто-нибудь другой.

– Охрана лишней не бывает, – Сфенебея сделала шаг навстречу Циклопу. – Тебе ли не знать? От одного взгляда на моих великанов дурные мысли трусливо поджимают хвосты.

– Ты ошибаешься, госпожа. При взгляде на твоих истуканов дурные мысли скалят клыки и заходятся лаем.

– Вот как?

Кажется, Сфенебея заинтересовалась.

– И что же, по-твоему, хотят эти дурные, эти храбрые мысли?

- Дать тебе добрый совет, госпожа. Замени своих болванов на кого-нибудь пошустрее. Злоумышляй на тебя кто-то, знающий толк в таких делах, и ты уже спускалась бы в Аид. А эти двое тащились бы следом.

- Ты настолько низкого мнения о моих телохранителях?

- Об этих медных толосах? Ха! Ты даже не представляешь, насколько, госпожа. Лучше бы тебе нанять кого-нибудь из моего племени, с достославной Эвбеи. Я готов посоветовать настоящих воинов.

- В твоих словах звучит гордость за свой народ.

- Это правда.

- Не слишком ли ее много?

Почему Сфенебея не прогонит наглеца? К чему жене ванакта ввязываться в бессмысленный спор? Слушать, как поносят ее телохранителей? Не знаю, как Сфенебея, но кое у кого терпение уже лопалось. Хмурили брови, кусали губы свободные от смены стражники. Голый по пояс здоровяк – борец, не иначе! – сжал кулаки-кувалды. Кому по нраву, когда чужак бранит своих? Похоже, ликийцев в Аргосе давно считали своими.

- Ты права, госпожа, – Циклоп лоснился от удовольствия.

Злоба окружающих кормила его медом и поила вином. Время от времени я ловил на себе косой взгляд единственного глаза абанта. Твой мед слаще, говорил этот взгляд. Твое вино пьянее. Угостишь ли и ты меня?

- К чему пустые слова? Проверим на деле, стоят ли они своей соли?

Сфенебея звонко рассмеялась:

- Ты собираешься напасть на меня? Здесь? Сейчас?!

- Нет, госпожа. Я верен тебе и твоему сыну. Но если бы я решил напасть...

– Я бы уже спускалась в Аид. Ты сказал, я услышала. Пока ты мне не угрожаешь, мои медные толосы не сдвинутся с места. Они здесь, чтобы защищать меня от опасностей, а не от досужей болтовни.

– Ха! – стражник хлопнул себя по бедрам. – Слышал, кривой?

Борец обидно захохотал.

Циклоп вызывал отвращение не у меня одного. Мне было не до смеха, но в тот момент я ощутил нечто общее с аргивянами.

– Я понял, госпожа. Дело твоих истуканов – портик подпирать, – Циклоп обернулся к борцу. – А ты что скажешь? Или ты тоже колонна?

– Я Клеон, сын Леонида, – борец хрустнул пальцами. – Запомни это имя, пока твоя голова еще на плечах.

Циклоп улыбнулся: широко, хищно.

– Я запомнил! Давайте, вы трое! На этом рынке я засчитаю вас за пару меднолобых.

– Ну ты и хвастун, я погляжу...

Люди расступались, освобождая место для забавы. Раздавшись в стороны, толпа быстро уплотнялась: со всех сторон стекались новые зеваки. Откуда и набежали? Меня бесцеремонно оттеснили к хозяйственным пристройкам. Рабы, таскавшие корзины, бросили работу: они тоже жаждали зрелища. Понимая, что сейчас не время для окриков, строгая распорядительница Сфенебея сделала вид, что не обращает на бездельников внимания.

Без зрелищ остался один я. Спины людей заслонили от меня и дерзкого абанта, и борца, и стражников. Протолкаться поближе? Отойти к воротам? Может, оттуда видно лучше?!

Поздно.

- Давайте, чего встали?

Там, в кольце народа, кто-то азартно взревел, бросаясь в атаку. Шлепнули по плитам босые пятки. Борец? Молодецкое хеканье. Над толпой вознеслась голова Циклопа. Лицо налилось дурной кровью, бешено сверкал единственный глаз. Хвост волос плеснул по ветру, будто хвост настоящего коня. Голова исчезла, мелькнули руки. Борца? Абанта? Звонкий хлопок раскатился по двору переливчатым эхом.

- А-а-а-а-а!

- Ну, кривой...

Кого-то бьют. Кого? Два глухих удара. Один звонкий, как пощечина. Третий глухой. Мерзкий скрежет, похожий на пороссячий визг.

- У-й-й-й!..

Гух! Так падает свиная туша, сорвавшись с крюка.

- Н-на!

Над макушками зрителей взлетели ступни в потертых сандалиях. Шмяк! Задушенный хрип. Чавкнуло, очень неприятно чавкнуло. Хрустнуло. Почудилось?

- Понял? Ты все понял?!

Голос Циклопа.

- Кха-кха-кха! Да, отпусти...

- А теперь ты! Давай!

Кому это он?

Толпа зашевелилась. Качнулась. Расступилась.

Перед кем? Передо мной, что ли?!

Борец сидел на земле. Ошалело тряс головой, как недотепа-ныряльщик, когда тот пытается вытряхнуть воду из ушей. Взгляд борца плавал, не в силах задержаться на чем-либо. Рядом, морщась от боли, разминал колено стражник. Сейчас он сам был циклопом: левый глаз стража полностью заплыл.

Второй стражник скрючился в три погибели. Над ним склонился сменный караульщик в нагруднике и шлеме, что-то прижимая к лицу пострадавшего. Меж пальцев добровольного врачевателя сочилось красное. Рядом стоял Циклоп, прятал в ножны кривой нож.

Красное. Вон и лужица натекла.

Циклоп его зарезал?!

Караульщик убрал окровавленную тряпицу. Я увидел нос бедняги-поединщика: разбитый, кровоточащий. Ничего, заживет. Главное, не убили. Нож абант, небось, ему к горлу приставлял: «Понял? Ты все понял?!»

Когда в руках Циклопа возникло копье, я не заметил. Только что был нож, а вот уже копье. Откуда и взял? Караульщик положил, а Циклоп поднял? О чем я думаю?!

Абант отвел копье для броска.

Он смотрел на меня. Взгляд Циклопа горел веселой яростью. В том, куда сейчас полетит копье, не было никаких сомнений. В меня еще никогда не бросали копья. Сам я бросал что угодно: копья, дротики, камни, ножи. Стрелял из лука. Тысячи раз, наверное. А в меня – ни разу.

Рука с копьем ушла назад до отказа. Единственный глаз смерил расстояние. От бронзового жала ко мне протянулась бледная огнистая нить. Радуга? Изогнулась, уткнулась в землю. Где? На локоть от моих ног.

Копье ушло в полет.

Толпа ахнула. Эхо звучало у меня в ушах, пока копьё летело в цель. Оно летело медленно, не торопясь, словно давая мне время отскочить в сторону, увернуться, спастись. Я стоял как вкопанный. Я верил огнистой радуге.

Копьё вонзилось там, где и предполагалось.

Толпа выдохнула с облегчением. С ужасом. С разочарованием.

Циклоп по-прежнему смотрел на меня. Веселая ярость во взгляде абанта сменилась невеселой. Похоже, я обманул его ожидания. Обманул самым подлым образом.

– Говорят, ты не знаешь промаха. Это так, Беллерофонт?

Досада в голосе. Он пытался скрыть ее и не мог.

Я молчал.

– Бери копьё!

Я молчал.

– Твоя очередь. Метатель-Убийца? Давай, покажи, на что ты способен!

Я отвернулся. Пошел к воротам. Циклоп был умен и горд, он не окликнул меня еще раз. Он всего лишь уставился мне в спину, между лопаток. Взгляд был копьем, оно пронзало меня насквозь.

Ничего, мы привычные.

Караульщики посторонились, пропуская меня. Я шел и слушал тишину. За мной никто не последовал. Мы остались одни: я и радуга.

Горшок в навозе

Харчевня была бедной, но чистой.

– Кормят от пуза, – упредил мои опасения Кимон. – Еда простая, сытная. Не бойся, не отравят. Я, когда в Аргосе, всегда столуюсь здесь.

Он поерзал на лавке:

– Спина болит. Годы мои, годы!

Я вздохнул, сочувствуя. «Это мой дворец, но твои покои, – пришли на ум слова Сфенебеи. – А у меня устала спина...» Я чуть было не зажал уши ладонями.

– Молодой ты, не поймешь. Трудно жить бродяге, поверь моему слову.

– Трудно, – согласился я.

Подошел хозяин. Двигался он без спешки: кроме нас да шумной компании торговцев, больше смахивавших на итакийских пиратов, в харчевне людей не было.

– Вина, – велел Кимон. – Принесешь кислое, убью.

– Пряма-таки убьешь? – усомнился хозяин.

– Ослаблю на весь свет. Так лучше?

Хозяин промолчал.

– Похлебка из свиных ножек, – продолжил Кимон. – Ячменная каша с выжарками. Яиц вареных с десятков. Кашу подай на лепешках. Похлебку в миске. Всё.

Хозяин пожал плечами:

– Не всё.

– Всё. Или ты угощаешь? Тогда неси перепелов.

– Не всё, – повторил хозяин.

И выразительно потер пальцы, собрав их в щепоть.

– Сквалыга, – буркнул Кимон. – Не доверяешь?

– Нет, – подтвердил хозяин.

– Я тебя хоть раз обманывал?

– Да.

– Молчи, убийца. На, держи.

Я собрался было отстегнуть бронзовую фибулу для обмена, но Кимон остановил меня жестом. Полез в котомку, вынул пучок «вертелов» – медных четырехгранных прутков, связанных бечёвкой. Отобрал три, подал хозяину:

– Держи.

Уроженец Эфиры, я с молодых ногтей знал, что монеты – редкость. Их чеканили мало где, а большей частью привозили из-за моря. В харчевнях и лавках довольствовались оболами – прутками вроде тех, какими расплатился Кимон.

Со странником я встретился в городе, у храма Аполлона Волчьего. Не заходя в храм, я задержался на ступенях, разглядывая статуи в просветы между колоннами: Аполлон, Гермий с черепахой, чей-то трон, мужчина с быком на плечах. Мужчину я опознать не смог (бог? герой?!), а спрашивать жрецов постеснялся. Сперва меня удивило присутствие Гермия и Аполлона, не то чтобы врагов, но уж точно не друзей, в одном святилище, но я вспомнил, что из панциря черепахи Гермий сделал лиру, которую подарил Аполлону, и все встало на свои места.

«Мегапент сидит в Аргосе не на троне. Он сидит на копьях, ликийских копьях. Копья – лучшая опора для владыки...»

Аполлон Волчий, он же Аполлон Ликийский, холодно взирал на меня. Я ежился под его надменным взором, полным величайшего презрения, и чуть не подскочил на месте, когда меня хлопнули по плечу. К счастью, это был не бог, а Кимон.

«Во дворце ванакта не чтут Геру? – прозорливо спросил он, видя мою кислую гримасу. – Я прав?»

«Чтут, – вздохнул я. – Но очень уж по-своему.»

«Я тебя утешу, – странник потащил меня прочь от храма. – Что спасает нас от женских козней? Только добрая еда. Под Эфирой я показал тебе дриаду. В Аргосе я покажу тебе приличную харчевню. Иди, не отставай...»

– Разбавляй сам. Я очищу яйца.

Пока я предавался воспоминаниям, принесли еду. Я смешал в глиняном кратере вино и воду. Кимон стучал яйцами о край стола, лихо сдирал скорлупу. От миски с похлебкой тянуло таким запахом, что рот наполнялся слюной.

– ...Персей!

– Что Персей?

– Завтра будет в Аргосе. В худшем случае, послезавтра.

– Это точно?

Я наострил уши.

– Точней некуда. Два дня как выехал, мне сегодня доложили.

– Два дня? Уже должен был добраться...

– День до Эпидавра. День до Аргоса.

– Задержался в Эпидавре. Сколько пробудет, неизвестно.

Торговцы заспорили. В том, что в Аргос едет великий Персей, сомнений не было. Спор шел о сроках прибытия. Один утверждал, что Персей по дороге заболел и хочет в Эпидавре принести жертвы богу врачевания. Другой с пеной у рта доказывал, что могучий сын Зевса отродясь ничем не болел, кроме как душой за народ. Зачем ему сидеть в Эпидавре? Третий кричал, что Персей, как правитель Тиринфа, едет не один, а со свитой. В свите каждый может захворать, дело обычное. Какое это имело отношение к предыдущим заявлениям, понять было трудно.

– Оно им надо? – спросил Кимон.

Мой интерес к чужому спору не прошел мимо странника.

– Ну, Персей. Хозяин Тиринфа едет к хозяину Аргоса. Можно сказать иначе: хозяин всей Арголиды едет к своему старому другу. Мало ли у них дел? А эти грызутся, будто Персей везет им телегу с головами Медузы. По одной на каждого дурака.

«Мой муж не отомстил за убийство своего отца, – шепнула из дрожащей тьмы Сфенебея, женщина с белым лицом. – Он сидит на троне, который ему подарил убийца. Подарил? Бросил, как бросают кость псу. Случается, человек зовет собаку другом; так случилось и с моим мужем...»

Владыке Аргоса Персей подарил трон. Дедушке Сизифу он подарил меня. Меня тоже бросили, как кость псу? Нет, дедушка не был похож на собаку. Сочти он подарок неуместным – отказал бы. Не посмотрел бы, что перед ним сын Зевса! Дедушка бога смерти в подвале держал, самого Аида вокруг пальца обвел. Что ему какие-то полубоги?

Значит, я не кость.

Значит, в Аргос едет Персей.

– Как ты думаешь, Кимон, когда он приедет в Аргос?

– Еще один, – странник указал на торговцев, потом на меня. Выразительно покрутил пальцем у виска: – Тебе-то не все ли равно? Да хоть через месяц!

– Все равно, – кивнул я.

Мне было не все равно. Единственный человек, кто знал тайну моего рождения, вскоре будет в Аргосе. Я не доехал до Тиринфа, и вот – Тиринф спешит в Аргос. Не знамение ли? Но как мне переговорить с Персеем? С великим Персеем? Да еще с глазу на глаз, без чужих ушей и языков?!

Я – изгнанник, полный скверны. Персей – герой, правитель, сын Зевса. Да меня к нему и близко не подпустят. Надо поторопить Мегапента с моим очищением. Чистый, я сумею прорваться к Персею, сказать, кто я, привлечь внимание...

Надо поторопить, но опять же – как? Кто я такой, чтобы диктовать сроки ванакту крепкостенного Аргоса?!

Идею действовать через Анаксагора я отверг сразу. Красавчик – не тот человек, к кому можно обратиться с такой просьбой. Да и не знаю я, имеет ли он достаточное влияние на отца. Стоит присмотреться, поспрашивать во дворце. Действовать через Сфенебею? Кажется, она ко мне расположена. Пригласить ее к себе, сделать все, чего она хочет. Мне нетрудно, да и она еще вполне привлекательна. Обойдемся без служанок, останемся наедине...

– Жена ванакта, – я взял очищенное яйцо. Не спеша сунуть его в рот, повернулся к Кимону: – Она белит лицо. Я никогда не видел на женщине столько белил. Она что, уродлива?

– Ликийский обычай, – пояснил Кимон, хлебая из миски. – Там все так белятся. Свинцовые белила, залог красоты. Смуглянки у ликийцев не в чести. Загар? Работаешь в поле, стираешь у реки, весь день под солнцем. Знатная женщина белей снега, понял? И возраст не так заметен.

– Свинцовые белила?

Да, я слышал о них от наставника Агафокла, но без подробностей. А сейчас мне вдруг стало интересно – сам не знаю, с чего.

– Листы свинца помещаешь в горшок, заливаешь уксусом. Ставишь горшок в большую кучу навоза. Навоз гниет, горшок стоит в тепле...

– Фу, гадость!

– Эх, парень! Что ты понимаешь в красоте? Афродита требует жертв, это тебе не ягненка зарезать.

Скажу ей, что она красавица, решил я. И дело не в белилах.

З

Что еще нужно, чтобы достичь успеха?

– Стена, – сказал Анаксагор. – Вот.

И указал пальцем для верности:

– Крепостная.

Я промолчал. Я уже привык к его манере пояснять очевидное.

Мы стояли на высокой аргосской стене. Здесь заканчивалась юго-западная лестница, по которой мы только что поднялись. Даже я запыхался, а сын ванакта хрипел так, словно из него душу вытряхивали. На Олимп, и то взойти легче! Отсюда насквозь просматривалась вся галерея, где в беспокойное время дежурили воины, а сейчас не было ни души. Выгибаясь дугой, галерея тянулась на восток, до второй лестницы, скрытой от меня за поворотом.

Про вторую лестницу я узнал по пути, от Анаксагора.

У моих ног лежал камень размером с голову трехлетнего ребенка. Должно быть, отломился от зубца или выпал из кладки. От убийственных обрывов, какими славился холм Ларисса, меня отделяло несколько слоев таких же камней, разве что побольше. Я представил, как эта голова летит вниз, расшибаясь вдребезги, затем представил, как вниз летит моя собственная голова – разумеется, вместе с телом – и поежился.

Холодно тут, наверху.

– Надо было копьё взять, – сказал Анаксагор. – Забыл, жаль.

– Зачем?

– Затем. Все, проехали. Не возвращаться же?

Он посмотрел на меня:

– Сколько от нас вон дотуда?

Палец сына ванакта тыкал в сторону дальней лестницы.

– Шагов сорок, – прикинул я. – Может, пятьдесят. А что?

Он не ответил. Он думал.

– Далековато, а? – вслух размышлял Анаксагор. – Если копьем?

Я пожал плечами.

Охотиться меня привели, что ли? На воробьев?! Вот, и воздвигнулся с пикою он, и его не напрасно копье из руки полетело: в грудь между крыльев боец поразил воробья... Если так, Анаксагор выбрал неудачное место, а главное, неудачное время. Ночь перевалила за половину, какая охота? Луна, будто лик Сфенебеи, надзирающей за сыном и гостем, не жалела бледного света. Но с моря, со стороны Эвбеи, шла гроза. Звезды в той стороне гасли одна за другой. Утробное громыханье пожирало их, надвигалось все ближе. Скоро будет темно, хоть глаз выколи.

Молний я не видел. Впрочем, молнии вряд ли заставят себя ждать.

- Копье добросишь? – спросил Анаксагор.

Я пожал плечами:

- Тут и калека добросит.

- Прямо таки калека... И в цель попадешь?

- Наверное. Пробовать надо.

Чего от меня хотят? Надо соглашаться, кивать, поддакивать. Если Анаксагор уговорит отца ускорить мое очищение, провести обряд до приезда Персея – я должен из хитона выпрыгнуть, но услужить наследнику.

- Пробовать – это вряд ли, – Анаксагор наморщил лоб, размышляя. – Я имею в виду, тут, на стене. Во дворе можешь попробовать. Скажешь, что упражняешься. Зря ты тогда, с Циклопом, отказался. Сразу бы и попробовал. Если пробовать, ты давай быстрее. Времени, считай, не осталось...

- Зачем ты меня сюда привел?

Прямой вопрос привел его в замешательство. Кажется, он предполагал, что я должен обо всем догадаться сам. Нет, больше того – я обо всем знал заранее, вот и явился в Аргос, а не в Спарту или, к примеру, в Пилос.

- Сам увидишь, – невнятно объяснил Анаксагор. – Ты, главное, держись меня, тогда не пропадешь. Очистим тебя в лучшем виде, вернешься в свою Эфиру. Трон, небось, тебя уже заждался? Я все вижу, все. Братьев у тебя нет. Кто там остался? Один отец? Отец – это ничего, это уже проще...

Он прислушался:

- Тихо! Идут. Не высовывайся, нас не должны заметить. И говори шепотом, понял? Я проверял, там ничего не слышно, если мы шепчемся. И не видно, если

не маячить...

- Где - там?

Вместо ответа палец сына ванакта снова указал туда, где скрывалась лестница:

- Слышишь?

Да, я слышал. По лестнице поднимались. Кто бы это ни был, мое дело - говорить шепотом и не маячить. Задача несложная. Еще проще было бы повернуться и уйти, но Анаксагор загораживал мне путь к ступеням.

Не маячить, мысленно повторил я. Выступ кладки надежно скрывал нас от чужих взглядов. Хорошо, стоим, ждем. Если нас заметят - скажу, что меня привел Анаксагор. Во-первых, чистая правда. А во-вторых, стоять ночью на крепостной стене - разве это преступление?!

«Надо было копьа взять...»

Терзаясь подозрениями, я уже собрался отстранить Анаксагора и уйти, но опоздал. Мой жест он воспринял как поддержку, согласие на что-то, о чем я и понятия не имел.

- Видишь? - прошипел он. - Мой отец...

Я видел. По дальней лестнице на стену только что поднялся Мегапент, правитель Аргоса. В простых одеждах, сутулясь под тяжестью каких-то невеселых дум, он меньше всего был похож на владыку.

«Далековато, а? Если копьем?»

И эхом от ворот акрополя:

«Жаль, у меня нет братьев. Только отец...»

Я похолодел. Анаксагор, стоявший рядом со мной, из расфуфыренного красавчика вдруг превратился в кого-то другого: подлого, страшного, предусмотрительного. Он что, готовит меня в убийцы своего отца?!

«Отец – это ничего, это уже проще...»

Надо бежать, нет, бежать нельзя, услышат. Ванакт решит, что я пришел не просто так, что я злоумышляю. На сына он и не подумает, сын всегда сын. А я кто? Я ходячая скверна, Метатель-Убийца. Что делать, что же делать?!

– Абант, – прервал мои терзания Анаксагор. – С отцом.

Я машинально кивнул.

Да, действительно, вслед за ванактом на стену поднялся Циклоп. Сегодня он был без меча, только нож отблескивал за поясом, ловя свет луны. Бритый лоб абанта тоже блестел, будто выкованный из бронзы. Мегапент встал на краю, вглядываясь в движение грозы. Циклоп держался поодаль, ближе к лестнице.

Оба молчали.

Меня попустило. Если есть свидетель, то вряд ли намечается убийство. «Времени, считай, не осталось,» – сказал Анаксагор. Для чего не осталось времени? Копий мы не взяли, рядом с правителем человек, способный защитить господина от таких, как мы. Зарежет и глазом не моргнет! Я ошибся, это какая-то шутка. Дела семейные, как в случае со Сфенебеей. Я боялся, что ее властительный муж станет гневаться на меня, а мужу все равно. Муж и мимо пройдет, не заметит, в Ликии свои обычаи...

– Покажи мне, – внезапно произнес Мегапент.

Сперва я решил, что он обращается ко мне. Что я должен ему показать?

– Где ты будешь стоять, господин? – откликнулся абант.

– Здесь, где стою сейчас.

– Где будет стоять он?

– Рядом со мной.

– Совсем рядом. Или чуть поодаль?

– Бок о бок. Я обниму его вот так...

Мегапент сделал движение рукой, словно обнимал кого-то за плечи. Луна бледнела, на нее с востока напоззали облака. Тьма сгущалась над городом. Мои глаза слезились, под веки словно песку сыпанули. Но я смотрел на владыку Аргоса так, будто от этого зависела моя жизнь. Мне казалось, что я вижу призрак – того, кого обнял Мегапент. Вижу, хочу назвать по имени, вот-вот назову – и не могу.

Природа, возраст, имя.

Нет, не вижу.

– Зачем ты обнимешь его, господин?

– Это свяжет его действия. Если понадобится, я попробую его удержать.

– Я понял, господин.

– Давай! – велел Мегапент.

Я не уловил момента, когда Циклоп сорвался с места. Только что он стоял у лестницы – и вот он уже за спиной ванакта. Нож сверкнул, ударил. Я чуть не закричал, уверен, что проклятый абант убивает правителя – по наущению наследника?! – уже убил, поздно, ничего не изменить... Нож все бил, бил, бил: десять ударов, не меньше. А Мегапент все стоял.

Ничего ему не делалось, правда.

Циклоп отступил назад. Опустил нож, которым только что сажил с невообразимой частотой под руку Мегапента – туда, где находился призрак, скованный дружеским объятием.

– Когда я отступлю, ты столкнешь его вниз, господин, – сказал Циклоп. – Если хочешь, я могу не отступать. Мы столкнем его вместе. Думаю, так будет безопасней.

Он даже не запыхался. Дыхание осталось ровным, голос спокойным.

– Безопасней? – спросил Мегапент. – Для тебя?

– Для тебя, господин.

За моей спиной сдавленно хихикнул Анаксагор.

– Ты заботишься о моей безопасности, – можно было поверить, что Мегапент спит. Что он говорит во сне, не вслушиваясь в свои слова, не понимая их значения. – Это хорошо. Мой сын нашел верного человека.

– Я нашел, – пробормотал Анаксагор. – Это мой подарок отцу.

– Мой сын и моя жена, – не задумываясь, Мегапент отобрал у наследника половину славы. – Предусмотрительная родня, предприимчивый наемник. Что еще нужно, чтобы достичь успеха? Это тоже хорошо.

– Боюсь, они не справятся, – шепот Анаксагора забирался в мое ухо. Вползал змеей, вил в мозгу ледяные кольца. – Мне нужен ты, Беллерофонт. Если что-то пойдет не так... У тебя будут два копья. Допустим, раненый вырвется. Допустим, его не удастся столкнуть вниз.

– Что тогда? – одними губами выдохнул я.

– Два копья. Ты сумеешь поразить его отсюда? Ты должен, от этого зависит твое очищение...

– Мое очищение?!

- Тихо, услышат...

- Все хорошо, - повторил Мегапент. - Все кроме единственного, того, что плохо.

Циклоп сунул нож за пояс:

- Что же плохо, господин?

- Ты когда-нибудь встречался с Персеем?

4

Лучший камень в мире

Сверкнула молния.

У меня внутри все оборвалось, как если бы молния перебила веревку, за которую цеплялся некто по прозвищу Беллерофонт. Я летел с крутого обрыва Лариссы, чтобы разбиться, лечь кровавой кашей у подножия холма.

- Нет, - ответил абант, вытирая лоб.

- Ты слышал рассказы очевидцев? Тех, кто видел, как Персей брал Аргос?

- Я не верю сплетням, господин.

- Зря, наемник. Иногда сплетни не приукрашивают. Случается, они преуменьшают. Значит, я обниму Персея за плечи, встану с ним на краю стены. Он позволит, он считает меня другом. Если получится, я скою его движения. Так?

Циклоп кивнул.

- Ты же ударишь Персея в спину ножом, сразу под моей рукой. Ударишь раз, пять, десять. Потом ты отступишь назад - или поможешь мне столкнуть Персея со стены. Я правильно тебя понял?

- Да, господин.

- Ты великолепно владеешь ножом. Ты нападаешь быстрее летящей стрелы. Ты родился убийцей. И все же ты допустил ряд ошибок. Серьезных ошибок, да.

- Каких же?

Голос Циклопа изменился. Самую малость, но достаточно, чтобы понять: абант уязвлен. Даже правителям городов он отказывал в праве судить его умение убивать.

Мегапент засмеялся. Перемены в голосе Циклопа не прошли мимо него.

- Я сказал: «Я обниму Персея за плечи. Если получится, я скою его движения.» Если бы ты ответил то, чего я ждал, я бы тебе поверил.

- Что я должен был сказать?

- Ты должен был ответить: «Это невозможно, господин. Даже бог не в состоянии сковать движения Персея. Что тогда ждать от человека? Не надо обнимать Персея, это ничего не меняет. Это лишь добавляет неудобства мне, потому что я опасаюсь задеть вас.» Вот какого ответа я ждал от тебя.

- Никаких неудобств, - возразил Циклоп. - Я не задел бы моего господина в любом случае.

- Я сказал, - продолжил Мегапент, игнорируя возражение, - что ты ударишь Персея в спину ножом. Ударишь раз, пять, десять. Знаешь, что ты должен был ответить?

- Что, господин?

– Что ты ударишь Персея один раз. Один раз, если получится. Потому что даже один раз – это подвиг. Поверь мне, это так. Я знаю Персея. Я знаю, а ты всего лишь мечтаешь встретиться с ним и доказать, что ты лучший. Персефонт, Убийца Персея – вот о каком имени ты мечтаешь. Это гибельная мечта, наемник. Нагруженный такой увесистой мечтой, как осел тюками с зерном, ты не сможешь ударить Персея ножом. Ты даже приблизиться к нему не сможешь. Хочешь знать, чем закончится эта затея? Я упаду со стены и разобьюсь. Ты ляжешь с распоротым животом, истекая кровью. А Персей будет стоять на краю и глядеть в небо. Он даже не утрет пот со лба, прежде чем спуститься вниз.

Мегапент вздохнул:

– Тебе заплатят, наемник. Тебе заплатят так, словно ты выполнил поручение.

– Ты не доверяешь мне, господин, – вздохнул и Циклоп. – Это обидно. Твой сын тоже не доверяет мне. Иначе он не нанял бы второго человека, этого молокососа Беллерофонта. Ты уверен, что я не справлюсь с Персеем. Твой сын уверен, что я нуждаюсь в помощи. Это дважды обидно, господин.

– Завтра ты покинешь Аргос, – вряд ли Мегапент слушал, что говорит ему абант. – Я благодарен тебе. Одно то, что ты согласился участвовать в покушении на великого Персея – достойный поступок. Не подвиг, нет, но отвага. Уходи, я не задерживаю тебя.

– Трус!

Это сказал не абант. Это беззвучно выдохнул Анаксагор. Жаркий выдох ворвался мне в ухо, словно порыв ветра, едва не оглушив. Я не сомневался в том, что означает болезненное, хриплое дыхание наследника. Сын оскорблял отца. Сын, который привел одного убийцу на подмогу другому – меня, чтобы я двумя копьями поддержал нож абанта. Сын не сомневался в моей согласии. Был он уверен и в согласии Циклопа. Он получил его заранее, это согласие.

Единственное, чего Анаксагор не предусмотрел – отказ отца.

Молния ударила совсем рядом, кажется, над Саламином. Начавшись над Эвбеей, родиной таких, как одноглазый абант, гроза миновала Афины. Сейчас она неумолимо наступала на Аргос. Поднялся ветер, растрепал волосы и бороду

Мегапента. Вцепился в хвост, свисавший с затылка Циклопа. Вторая молния. Третья. Зевесовы копья рвали небо в клочья. Кто подает их владыке богов? Вырезает древки, кует наконечники? Обычному воину достаточно явиться в кузню, заглянуть в оружейную, на поле боя крикнуть вознице, чтобы подал запасное.

Куда идет Зевс, кому кричит?

Впервые я задумался над этим. В неудачное время, в неудачном месте. Тебе-то какое дело, дурень Беллерофонт? Небось, Громовержец без тебя разберется. Тебе бы со своими бедами разобраться, да? Мой разум пережевывал услышанное, как челюсти – комок бронзы. Зубы крошились, кусок не лез в глотку; здравый смысл отказывался принимать невозможное за реальный заговор, подлейший из подлых.

Поднять руку на Персея?

«Персей едет из Тиринфа в Аргос. Говорят, по торговым делам...»

Поднять руку на великого Персея?

«Мой муж не отомстил за убийство своего отца. Он сидит на троне, который ему подарил убийца...»

Поднять руку на того, кто ночью принес меня к воротам Эфиры? На мою последнюю надежду узнать, кто же я такой?! А вдруг Персей солгал Сизифу? Что, если он – мой настоящий отец?! Отцеубийца – славный довесок к братоубийце...

«Тебе заплатят, наемник. Тебе заплатят так, словно ты выполнил поручение...»

Почему Мегапент согласился? Не потому ли, что устал быть тряпкой, собакой, грызущей кость, в глазах окружающих? Почему Мегапент отказался? Не потому ли, что Персей считал его другом, единственным другом на белом свете? А может быть, он все-таки трус? Согласился из трусости, отказался по той же причине...

«...ты не сможешь ударить Персея ножом. Ты даже приблизиться к нему не сможешь...»

Что это было? Страх потерять жизнь от руки разгневанного Персея? Или гордость за друга, первого героя Эллады? Моего куцега жизненного опыта не хватало, чтобы прийти к однозначному решению. Не знаю, хватило бы тут опыта глубокого старика. Есть вопросы, у которых много ответов и все они правильные, как много голов у Гидры и все они ядовитые.

- Тебе заплатят, наемник, - повторил Мегапент. - Уходи. К полудню завтрашнего дня тебя не должно быть в Аргосе.

- Мне заплатят, - согласился Циклоп. - Не сомневаюсь.

- Ты будешь молчать.

- Я буду молчать.

- Если ты заговоришь, я найду тебя даже в Аиде.

- Я понял. Если что, мой господин отыщет меня в Аиде.

Абант улыбнулся:

- Значит, ты, господин, будешь стоять так, как стоишь сейчас?

И снова я не уловил момента, когда Циклоп сорвался с места. Сверкнул, ударил нож. Десять ударов, не меньше. Клинок сновал туда-сюда, как голова атакующей змеи: спина, бок, под лопатку, поясница. А Мегапент все стоял. Он бы упал, но левой рукой абант держал правителя за одежду, чтобы тот не свалился со стены раньше времени.

Вот, время пришло. Пальцы разжались.

Владыка Аргоса качнулся вперед и рухнул в темноту. Пока абант бил его ножом, он не издал ни звука, словно уже был мертвецом, бесчувственным трупом, годным лишь для погребения. Так он и ушел в последний полет, так рухнул на

камни – молчаливой тенью, готовой сойти в Аид.

– Негодяй!

Куда делся мой здравый смысл? Расплавился в горне ярости. Со стены упал не Мегапент, со стены упало мое очищение от скверны. «Гиппоной, сын Главка, по прозвищу Беллерофонт! – сказал человек, которого убили на моих глазах. – Ты гость в моем доме. С этого момента ни один житель Аргоса не поднимет на тебя руку.» Омойте гостю ноги, сказал он. Дайте ему кров над головой. Дайте ему чистую одежду. Дайте хлеба и вина, ибо он голоден и жаждет...

О чем я думал в этот миг? Ни о чем я не думал.

Камень, выпавший из кладки, лег в мою ладонь. Я не чувствовал тяжести. Не ощущал остроты ребристых сколов. Юнец не радуется так, когда его рука вбирает в себя женскую грудь; скряга не радуется так величайшему в мире рубину, как я радовался этому камню. Будь он размером с быка, я бы легче легкого вкатил, нет, зашвырнул бы его на вершину самой высокой горы.

Циклоп стоял на краю стены, там, где раньше стояла его жертва. Всмотривался вниз, пытаюсь разглядеть исковерканное тело. Ветер дергал абанта за хвост волос, оттаскивал назад.

– Эй, ты!

Он не успел обернуться, прежде чем я бросил камень. Но пока камень летел, он все-таки обернулся. Голова трехлетнего ребенка, созданная из тесаного известняка, ударила Циклопа в лицо, прямо в единственный зрячий глаз, сокрушая глазницу, переносицу, скулу. Мне почудилось, что я слышу хруст. Вряд ли, потому что гром, раскатившийся над Эпидавром, был способен оглушить кого угодно. Не знаю, приветствовал Зевс мой поступок или осуждал.

Не знаю и знать не хочу.

Циклоп упал со стены. В тишине, наступившей после грома. Не издав ни звука, как и Мегапент, сын Пройта. Его путь был отмечен молнией, расколовшей небо.

– Что ты наделал? – закричал Анаксагор.

– Оказал нам услугу, – ответили на лестнице, за нашими спинами. – Большую услугу.

5

«Звезда Иштар»

Меня толкнули.

Ощущение было не из приятных. Чтобы не упасть, пришлось сделать три быстрых шага, выйдя на галерею из-под защиты выступа кладки. Впрочем, на стене уже не было никого, от кого следовало бы прятаться.

На меня, чуть не сбив с ног, налетел Анаксагор. Похоже, его пригласили пройти вперед тем же способом. С опозданием я понял, что в толчке не было злобы или откровенного насилия – иначе тремя шагами я бы не отделался. Обернувшись, я увидел двух гигантов в доспехах. Телохранителей жены (вдовы!) ванакта я помнил по приему в тронном зале и сцене во дворе, где их задирали покойный Циклоп.

Гиганты расступились, Сфенебея вышла вперед.

Упала первая капля дождя, щелкнула женщину по носу. Это было бы смешно, случись все в другой ситуации. Вторая капля ударила о шлем телохранителя. Третья упала просто так. Четвертая. Пятая. Я ждал, что сейчас хлынет ливень, но дождь ограничился этими пятью каплями, словно позволяя нам довести дело до конца.

– Я надеялась, – тихо произнесла Сфенебея. – Слышишь, Анаксагор? Думала, твой отец наконец-то стал мужчиной. Когда он согласился отомстить Персею... Но я не позволяю надеждам ослепить себя. Когда так долго живешь трусом, это входит в привычку. В глубине сердца я знала, что в последний миг он отступит. Откажется, найдет для этого тысячу причин.

Анаксагор ударил кулаком в ладонь:

- Ты перекупила абанта? За моей спиной? Мама, как ты могла?!

- Могла?

Женщина засмеялась:

- Я была обязана это сделать. Останься твой отец в живых, его бы замучили угрызения совести. Такие люди подвержены приступам откровенности. Знаешь, что было бы, признайся он Персею в подготовке покушения? По-дружески, а? Рассчитывая на ответное доверие и прощение? Поверь мне, Персей не счел бы его отказ подвигом. Сын Зевса не из тех, кто умеет прощать. Ты был слишком мал, ты не помнишь, как Убийца Горгоны вошел в Аргос. А я помню. Я кричу ночами, когда мне снится ужас с окровавленным мечом. Он шел как бог войны, бог смерти. Люди падали колосьями под серпом. Не стану врать, я не видела боя. Но я вступила в город рядом с твоим отцом, когда резня завершилась. Некуда было ногу поставить, чтобы не наступить на мертвое тело. Даже закрыв глаза, я ясно представляла: вот он идет, не зная жалости и пощады...

Она задохнулась.

- Признайся твой отец Персею, - продолжила Сфенебея, восстановив дыхание, - он погубил бы не только себя. Он мог навлечь гнев Персея и на тебя, Анаксагор. Люди видели тебя рядом с абантом, слышали, что это ты позвал его в Аргос. Я не имела права рисковать твоей жизнью. Абанту было велено в случае отказа Мегапента от мести покончить с робким правителем. Даже промолчи твой отец, оставь он Персея в неведеньи... Ванакту, которого презирают другие владыки и собственный народ, не место на троне.

- Не место, - эхом откликнулся Анаксагор.

Смерть отца предстала перед ним в ином свете.

- Ванакт Аргоса умер! - Сфенебея воздела руки к небесам. - Да возрадуется новый ванакт! Воссядь на трон, сын мой, принеси погребальные жертвы своему богоравному, безвременно ушедшему родителю. Мегапент случайно упал со

стены. Должно быть, такова воля богов.

И добавила другим тоном:

– Тело уже забрали мои люди. Правда, они не ждали, что им достанутся два тела. Ничего, донесут. Сперва я собиралась скрыть ножевые раны: падение со стены и только. Но теперь, когда наемник мертв... Так даже лучше. Мерзкий убийца посягнул на ванакта, но был в свою очередь поражен камнем. Ты прекрасно мечешь камни, Анаксагор! Ты отомстил за отца, честь тебе и хвала, и всенародное уважение.

– Я? – задохнулся Анаксагор.

– Он? – задохнулся я.

– А тебя здесь вообще не было, – обратилась Сфенебея ко мне. – С чего бы человеку, пришедшему в Аргос за очищением, прогуливаться ночью по крепостной стене? Странные привычки, не находишь? И потом, один убийца – хорошо, два убийцы – отлично, а три убийцы – это уже перебор. Заговори ты – кто тебе поверит? Ты осквернен, такие лгут без стеснений.

– Персей? – предположил я.

– Он не поверит первым. Мегапент, его лучший друг, замыслил недоброе? Спустя пятнадцать лет после того, как Персей прикончил прежнего ванакта?! Замыслил и вдруг отказался от замысла? Персей не только умен, он еще и подозрителен. Он сразу учует тухлый запах. Я удивлюсь, если ты не обнаружишь Персеев меч у себя в животе.

Я стоял на стене – свободней свободного. Я стоял, связанный по рукам и ногам. Как и в первый день приезда в Аргос, я стоял на коленях, в пыли – ничтожество, живая просьба! – а они кружили вокруг меня, разглядывали, трогали, пробовали на вкус. Женщина, юноша, наемник, живой подарок сына отцу. Это ничего, что наемник уже мертв. Ничего, что мертв и владыка. Они здесь, все здесь, живые и мертвые. Они никуда не делись: хищные рыбы, привлеченные вкусом крови. Они рвут меня на куски.

– Мы в скорби, – слова Сфенебеи разили без промаха. – Я и мой сын. Мы готовимся к погребению, к жертвенным приношениям. Мы не сможем тебя очистить, юный Беллерофонт. Никто в скорбящем Аргосе не сделает этого. Там, где смерть и скорбь, нет места очищению.

– Куда же мне идти? – в смятении крикнул я.

Бродячий пес, загнанный в угол – вот кем я был. Псу не до того, чтобы сохранять лицо. Пес может скалить зубы или вилять хвостом. Не знаю, как назвать мой вопрос – хвостом или зубами. Я шарил глазами вокруг: ни одного камня, ни единого. Шагни ликийцы-телохранители ко мне, чтобы сбросить со стены жалкую муху, запутавшуюся в паутине и высосанную досуха – мне даже нечем будет в них швырнуть.

Под ногой звякнуло. Нож! Кривой нож Циклопа: абант обронил его, прежде чем рухнуть в темноту. А может, нож сам выпал у него из-за пояса. Плохо понимая, что делаю, я схватил нож, выставил перед собой:

– Куда идти? Что делать?!

Сдавленно мыча, Анаксагор шарахнулся прочь, под защиту матери.

– Идти? Плыть! – смеясь, поправила меня Сфенебея. – В гавани Арголикоса стоит «Звезда Иштар», корабль торговца из Сидона. Это быстрое судно, через месяц ты доберешься до Ликии.

– Месяц?

– Может, дольше. И что с того? Куда тебе спешить? Чем дальше ты уплывешь, тем лучше. Я хочу, чтобы тебя и Аргос разделило море. Через полгода о тебе и не вспомнят, а мы будем молчать. Беллерофонт? Он отказал похотливой Сфенебее, вздумавшей полакомиться свеженьким мясом. О, эта Сфенебея! Гнусная сладкоежка! Она ревнива и мстительна, как все ликийки. Нажаловалась мужу, а не мужу, так сыну, что юный бродяга хотел взять ее силой. Ах, мерзавец! Что было делать мужчинам Аргоса? Могли ли они тронуть человека, которого защищал закон гостеприимства? Поднять на него руку? Конечно же, нет. В Аргосе, может, и не слишком чтут Геру, но Зевса чтут неукоснительно. Вместо этого они изгнали невинно оболганного беднягу в Ликию...

- Но почему в Ликию?

- Там тебя встретит мой отец. Я напишу ему письмо. Он очистит тебя и возьмет на службу. Грех разбрасываться такими полезными людьми, как ты. Я рачительная хозяйка. Если что-то я не могу съесть сегодня, я откладываю это про запас. В Ликии ты проживешь не менее трех лет, понял? В Аргосе все уляжется, Анаксагора примут на троне. А дальше как знаешь. Я подумаю, что с тобой делать, но выбор, разумеется, за тобой.

Выбор. Ага, конечно. За мной, кто бы спорил!

- Иначе не жалуйся, - добавила Сфенебея.

Не в первый раз она читала мои мысли.

- На «Звезде Иштар» есть трюм? - спросил я. - Они перевозят животных?

- Животных?!

Кажется, мне впервые удалось ее удивить. Нет, во второй раз. В первый раз она удивилась прошлой ночью, когда я отказал ей в любви.

- Я не брошу своего коня, - объяснил я.

Стасим

Молния, блюдо, дитя

- Я возвращаюсь в Тиринф, - говорит Персей.

- Да ну? - фальшиво изумляется Гермий. - Неужели?!

Для кого другого эта фальшь осталась бы незаметной. Гермий надеется, что Персей тоже не заметит. Надежда слабая, но какая есть.

Персей наливает в чашу вина. В одну чашу, только себе. Разбавляет водой из местного источника – за водой он ходил сам, на рассвете, хотя это прекрасно могли бы сделать слуги. Жадно пьет, не заботясь тем, что надо бы плеснуть наземь долю богов. Великих богов, всемогущих богов, один из которых стоит сейчас напротив Персея. Он беспокоится, отмечает Гермий. Великий герой, сухое дерево и несокрушимый адамант, мучим беспокойством. Впервые такое вижу.

В дальнем углу походного шатра стоит женщина, похожая на статую. Лицо женщины – камень; молчание – рокот волн на пределе слышимости. Кажется, она даже не дышит. Выезжая из Тиринфа, в особенности по таким пустяковым поводам, как торговые переговоры, Персей никогда раньше не брал с собой жену.

На этот раз взял.

Почему, спрашивает себя Гермий. Случайность? Умысел? Женщина, которую люди зовут Андромедой, бросает на бога взгляд, краткий и равнодушный. Гермия передергивает, ему хочется улететь. Вся Олимпийская Семья знает, кого привез Убийца Горгоны, возвращаясь из седой мглы Океана. Когда Зевс заключил с сыном договор о невмешательстве, Семья впервые согласилась с решением владыки богов и людей, не начиная споров. Даже Афина, скрипя зубами, промолчала. Как и все, дала клятву черными водами Стикса, зная, что и захочет – не нарушит. Перед клятвой Зевс по наущению Афины предложил сыну вместо договора, который выкопал бы непреодолимый ров между героем и Олимпом, иную награду – бессмертие и вечную молодость. Как заявил ядовитый, злой на язык Аполлон: «Пифос нектара и корзину амброзии!» Семья была уверена, что Персей скажет «да».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Имя Анаксагор состоит из двух частей: анакс (ванакт), т. е. владыка, повелитель – и агора, т. е. рыночная площадь, где проходили собрания граждан.

2

Баб-Или (Врата Бога) – Вавилон.

3

Абанты – ионийское племя, обитатели острова Эвбея. Искусные воины, мастера ближнего боя.

4

Караковый – самый темный отмасток гнедой масти.

5

Атлантида – дочь Атланта.

Имя Химера буквально означает «молодая коза».

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/genri-oldi/zolotoy-luk-kniga-vtoraya-vse-byvaet>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)